

ОШНО

ПРИТЧИ СТАРОГО ГОРОДА

Беседы о свободе, любви,
счастье и юморе

ОШО

БЕСЬ

Путь мистика

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

**Притчи старого города. Беседы о
свободе, любви, счастье и юморе**

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б.

Притчи старого города. Беседы о свободе, любви, счастье и юморе
/ Б. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

Этот сборник содержит двенадцать избранных дискурсов, в которых Ошо комментирует притчи духовных традиций мира. Каждая история сама по себе несет послание тому, кто ее слушает. Но в комментариях Ошо она становится настолько объемной и яркой, как будто читатель сам присутствует в том месте, где разворачиваются события. С помощью Мастера, который обращает наше внимание на неявные детали и показывает их значение, читатель начинает видеть то, что обычно остается скрытым от случайного наблюдателя. И тогда история становится вратами к высшему пониманию, дверью, ведущей к раскрытию сути послания, оставленного мастерами прошлого в притчах и историях и адресованного следующим поколениям искателей. «Все, что человечество находило, оно прятало в притчах. Вот почему Иисус говорит притчами, и Будда рассказывает истории... Любите истории. Когда их любят, они раскрывают свои тайны». Ранее книга выходила под названием «Человек, который любил чаек. Двенадцать избранных притч великих духовных традиций мира».

© Раджниш (Ошо) Б.

© ИГ "Весь"

Содержание

От переводчика	6
Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ошо

Притчи старого города. Беседы о свободе, любви, счастье и юморе

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation,
Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Osho

The Men Who Loved Seagulls

От переводчика

...Из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет, и движутся те самые фигурки... Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветивается.

М. А. Булгаков. «Театральный роман»

Ошо говорил о себе, что для него беседовать с учениками – все равно что птице петь. Встречая солнце, птицы не могут не петь, потому что их переполняет радость бытия. Так и Мастер не может не говорить, потому что радость бытия переполняет его. Эти беседы – его песня. Еще он говорил, что с самого детства мечтал создать огромный цирк – самый большой в мире, – а может быть, даже превратить весь мир в большой цирковой балаган. Возможно, притчи, собранные в этой книге, и комментарии Мастера не похожи на цирк; скорее, это огромный театр или громадный съемочный павильон, где все сущее – декорации, великие просветленные – актеры, а все мы – восхищенные и благодарные зрители.

Как гениальный художник видит внутренним взором всю будущую картину, а потом воссоздает ее на холсте миллионами мазков; как гениальный композитор в единый миг слышит внутренним слухом колоссальнейшую симфонию и затем передает людям то, что услышал, миллионами нот... Примерно так рассказывает притчи Ошо.

Перед читателем лежит книга. В отличие от тех безмерно счастливых людей, которым довелось слушать Мастера, он может прочесть притчу и не торопиться переходить к комментариям, а отложить книгу и попробовать погрузиться в историю сам.

Сколько раз люди читали Евангелие, китайские или японские дзэнские анекдоты, буддийские истории, суфийские притчи и хасидские рассказы, сколько раз они пытались истолковать и осмыслить их в толстых богословских томах, научных трудах, замечательных художественных произведениях... Сколько мыслей, книг, фильмов, сколько вариантов...

Когда притчу рассказывает Ошо, он сразу «видит» ее, как яркую живую картину, слышит и понимает, словно сам присутствует там, а потом начинает воссоздавать в мельчайших подробностях. Как постановщик, он рисует «место и время действия» – берег реки, пыльную дорогу, деревенскую площадь, вечер или солнечное утро. Как режиссер, расставляет «действующих лиц» – Иисуса, Хотэя, Будду и всех, кто к ним пришел. И затем объясняет смысл каждого жеста, каждой реплики, каждой паузы, чтобы его «актеры» наполнили свою игру глубоким внутренним смыслом, а мы – слушающие или читающие «зрители» – поняли, что и почему происходит в этой сцене. Почему наклонился и стал чертить на песке Иисус, сказав фарисеям: «Кто из вас без греха...»; почему Хотэй бросил мешок на землю; почему чайки перестали играть с человеком, пришедшим на берег моря с лишней мыслью; зачем поклонился равви Айзик капитану стражи, добродушно посмеявшемуся над ним... Порой комментарии Ошо кажутся превосходным сценарием – до того точно описывает он самые, на первый взгляд, незначительные детали, отчего все они становятся необходимыми и глубоко значимыми.

Его понимание всегда оригинально и абсолютно непредсказуемо. В словах Заратустры, Будды, Иисуса, Лао-цзы – кого угодно – он открывает совершенно новое значение. Пожалуй, фраза «открывает новое» не подходит. Он ничего не открывает, просто «видит» все иначе. И его видение ярко и прекрасно, как божественная песнь.

Введение

Аристотель определил человека как рациональное существо. Человек не рационален, и это хорошо. Он на девяносто девять процентов иррационален, и это замечательно, поскольку все, что красиво и прекрасно, существует благодаря иррациональности. Рассудочность – это математика, внерассудочность – поэзия. Рассудочность – это наука, внерассудочность – религия. Рассудок – это рынок, деньги, рупии, доллары. Внерассудочность – любовь, песня, танец. Да, хорошо, что человек – не рациональное существо. Человек иррационален.

Человеку пытались дать множество определений. Я бы назвал человека животным, которое фантазирует. Он сочиняет мифы, а что такое мифы, как не фантазии, анекдоты, слухи?.. – пураны. Он создает религии, мифы, сочиняет истории о существовании. С самого своего начала человечество творит мифологию. Человек придумывает Бога, придумывает, что Бог создал мир, и сочиняет – свивает один за другим – красивые мифы. Человек есть мифотворящее животное, и без мифов жизнь была бы невероятно скучной.

Беда современности в том, что люди отказались от всех старых мифов. Глупцы-рационалисты слишком против них возражали. Человечество отбросило мифы, потому что, когда миф оспаривают, он не может защищаться. Он беззащитен. Он очень уязвим и хрупок. Если с ним бороться, он будет уничтожен, и вместе с ним будет уничтожено что-то очень красивое в человеческом сердце... Не миф, миф – это просто символ... но корни в сердце глубоки. Убивая миф, вы убиваете сердце.

Теперь те самые рационалисты всего мира, которые уничтожили мифы, чувствуют, что в жизни нет смысла, поэзии, нет причин для счастья, празднования. Из жизни ушла всякая праздничность. Без мифа мир превращается в большой рынок – исчезают все храмы. Без мифа человеческие отношения становятся просто сделкой – из них уходит любовь. Без мифа вы остаетесь одни в бесконечной пустоте.

Если только вы не просветленный, вы так жить не сможете, вы будете страдать от отсутствия смысла, потеряете покой, почувствуете глубокую внутреннюю тоску. Вы начнете себя убивать. Вы начнете искать способ так или иначе уйти от себя – в наркотики, в алкоголь, секс, куда угодно, – чтобы заглушить чувство, что жизнь бессмысленна.

Миф придает жизни смысл. Миф – не более чем красивая история, но он помогает жить. Пока вы не научитесь жить без всяких фантазий, миф помогает вам путешествовать, странствовать в мире. Он окружает вас человеческой атмосферой, без него мир был бы слишком каменным. Только подумайте: индийцы приходят к рекам, к Гангу, чтобы совершить поклонение. Без мифа Ганг был бы просто рекой, но благодаря мифу эта река становится матерью, и когда индуист приходит к Гангу, это для него величайшая радость.

Кааба в Мекке – не более чем камень. Он имеет форму куба, поэтому называется ка'ба, «куб». Но вы не представляете, какие чувства испытывает мусульманин, когда приходит к Каабе. Рождается огромная энергия. И ее рождает не Кааба – все это только миф. Но когда мусульманин целует этот камень, он забывает о земле, на которой стоит, и переносится в другой мир – мир поэзии. Обходя Каабу, он ходит вокруг самого Бога. Во всем мире мусульмане молятся, обернувшись лицом к Каабе. В разных местах мира они обращают лицо в разные стороны, но где бы ни были молящиеся: в Англии, в Индии, в Египте, – они обращаются лицом к Каабе. Пять раз в день мусульмане во всем мире молятся, обернувшись лицом к Каабе. Кааба становится центром мира. Миф, красивый миф... в это мгновение весь мир окружает поэзия.

Люди пытаются осмыслить существование – вот в чем суть мифа. Человек – животное, которое фантазирует и сочиняет анекдоты, слухи. Небольшие слухи – о соседе, о его жене... и большие, космические – о Боге. Но людям они нравятся.

Я люблю одну историю. Наверное, я тысячу раз рассказывал эту еврейскую историю...

В каком-то городе много веков назад жил один раввин. Когда город постигало какое-нибудь несчастье, он шел в лес, приносил жертвы, молился, исполнял ритуал и говорил Богу: «Отведи беду. Спаси нас». И город всегда бывал спасен.

Раввин умер, и его место занял другой человек. Случилась беда, и люди пришли к нему. Новый раввин отправился в лес, но не мог найти нужного места, потому что никто не знал, где оно. Тогда он сказал Богу: «Я не знаю точно, где то место, на котором молился старый раввин, но это неважно. Ты сам знаешь, где оно, поэтому я буду молиться здесь». И беды всегда обходили город стороной, а люди были счастливы.

И этот раввин умер, и другой пришел ему на смену. Снова город постигло какое-то бедствие, и люди собрались у его дома. Он пошел в лес и сказал Богу: «Я не знаю точно, где было место, и не знаю ритуала. Я знаю только молитву. Ты всеведущ, так что, пожалуйста, не придирайся к мелочам. Послушай...» И сказал то, что хотел сказать. Бедствие прекратилось, все обошлось.

Он тоже умер, и вместо него пришел новый раввин. Во время какой-то эпидемии к нему обратился весь город. Люди сказали: «Иди в лес, как в старые времена. Так всегда делали прежние раввины».

Он ответил, сидя в кресле: «Зачем ходить? Бог может услышать и отсюда. Я не знаю, где было то место...» Он посмотрел в небеса и сказал: «Послушай... Я не знаю места, не знаю ритуала, не знаю даже молитвы, но зато знаю всю историю – как сначала ходил один раввин, потом другой, третий, четвертый... Я расскажу тебе, я знаю, ты любишь истории. Пожалуйста, выслушай и отведи беду».

Он рассказал историю о древних раввинах. И говорят, Богу она так понравилась, что город был спасен.

Должно быть, Бог очень любит истории; он сам сочиняет мифы и наверняка любит всякие истории. Он сам пустил первый слух!

Да, жизнь – это мимолетный слух, преходящая фантазия в вечном молчании существования, а человек – животное, которое фантазирует. Пока вы не станете богом, вы будете любить фантазии: романы о Раме и Сите, Адаме и Еве, Махабхарате греческие, римские, китайские истории. Их миллионы – и все они прекрасны.

Если не вносить в них логики, может быть, они могут открыть внутренние двери, раскрыть внутренние тайны. Если логику внести, двери закрываются. Тогда этот храм не для вас. Любите истории. Когда их любят, они раскрывают свои тайны. А в них скрыто многое: все, что человечество находило, оно прятало в притчах. Вот почему Иисус говорит притчами, и Будда рассказывает истории. Все они любят анекдоты, слухи и фантазии.

Глава 1

Путем канатоходца

История о короле и двух преступниках

О вере и доверии, и о разнице между ними

* * *

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе, К ним, с трубкой в руке, присоединился раввин Израэль. Он был само дружелюбие, и они его попросили: «Скажи, дорогой равви, как нам служить Богу?»

Он удивился этому вопросу и ответил было: «Откуда мне знать?» – но потом рассказал такую историю...

У одного короля было двое друзей, и оба они оказались повинны в преступлении. Король их любил и хотел явить им милость, но не мог оправдать, потому что даже королевское слово не может быть сильнее закона. Тогда он велел натянуть веревку над глубокой пропастью и вынес приговор, чтобы они, один за другим, прошли по ней. Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Все было сделано так, как велел король, и первый из друзей перешел благополучно.

Другой же, стоя на прежнем месте, крикнул ему: «Скажи мне, друг, как тебе это удалось?»

Первый крикнул в ответ: «Сам не знаю!.. Только одно могу сказать: когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

* * *

Существование парадоксально, парадокс лежит в самой его основе. Существование живет благодаря противоположностям, в равновесии между противоположностями. И тот, кто учится сохранять равновесие, обретает способность понять, что такое жизнь, что такое существование, что такое Бог. Тайный ключ к этому – равновесие.

Несколько вопросов, прежде чем мы обратимся к этой истории... Первое: нас учили аристотелевой логике – линейной, одномерной. Жизнь отнюдь не следует Аристотелю, ей ближе Гегель. Логика не линейна, логика диалектична. Сам процесс жизни суть диалектика, встреча противоположностей – конфликт между противоположностями и, вместе с тем, их встреча. Жизнь движется в этом диалектическом процессе: от тезиса к антитезису, от антитезиса к синтезу; затем синтез снова становится тезисом, и весь процесс начинается заново.

Если бы Аристотель был прав, были бы только мужчины и не было бы женщин, или только женщины и никаких мужчин, был бы только свет и никакой тьмы, или только тьма и никакого света. Это было бы логично. Либо жизнь, либо смерть, но не то и другое вместе.

Но жизнь не основывается на аристотелевой логике, жизнь содержит и то, и другое. На самом деле, она вообще возможна только благодаря обоим противоположностям: мужчина и женщина, инь и ян, день и ночь, рождение и смерть, любовь и ненависть. Жизнь включает обе противоположности.

Это первое, что должно глубоко пропитать ваше сердце, потому что в голове у каждого царит Аристотель. Во всем мире система образования верит в Аристотеля, – хотя для самых передовых научных умов Аристотель отошел во вчерашний день. Он устарел, вышел в тираж.

Наука оставила Аристотеля далеко позади, потому что стала ближе к существованию. Сейчас наука понимает, что жизнь диалектична, не логична.

Я слышал...

Знаете ли вы, что на борту Ноева ковчега было запрещено заниматься любовью?

Потоп окончился, и Ной наблюдал, как пары по очереди выходят из ковчега. Шествие замыкали кот с кошкой, за которыми шло множество маленьких котят. Ной вопросительно поднял брови, и кот сказал ему:

– Ты думал, мы дрались!

Наверное, Ной был аристотелианцем. Кот был мудрее.

Любовь сродни борьбе, любовь и есть борьба. Без борьбы любовь существовать не может. Борьба и любовь кажутся противоположными, поскольку мы думаем, что любящие не должны бороться. Логично: если вы кого-то любите, как можно бороться? Интеллекту абсолютно ясно, очевидно, что любящие бороться не должны – но они борются. Их даже называют «интимными врагами»; они постоянно борются. В самой этой борьбе высвобождается энергия, которая называется любовью. Да, любовь – не только борьба, не только битва, она – нечто большее. Любовь включает в себя борьбу, но ее трансцендирует. Борьба не может ее разрушить. Любовь терпит борьбу, но без нее существовать не может.

Посмотрите на жизнь – она не следует Аристотелю, Евклиду. Если не накладывать на нее своих представлений, если просто видеть вещи такими, как они есть, вы внезапно удивитесь: противоположности взаимно дополняют друг друга. И само напряжение между ними составляет ту основу, на которой держится жизнь, иначе она бы исчезла. Представьте себе мир, в котором нет смерти... Ум может сказать: «Тогда жизнь будет вечной», – и будет неправ. Если не будет смерти, жизнь просто исчезнет. Она не может существовать без смерти; смерть дает ей фон, основу, смерть придает ей яркость и богатство, смерть дает ей страсть и интенсивность.

Смерть не противоречит жизни – это первое, смерть включена в жизнь. И если вы хотите жить подлинно, необходимо научиться постоянно подлинно умирать. Нужно сохранять равновесие между рождением и смертью и оставаться точно посередине. Точная середина, поддержание равновесия не может быть статичным: не то чтобы однажды вы его нашли – и конец, делать больше нечего. Вздор! Никто не достигает равновесия навсегда, его приходится находить снова, снова и снова.

Понять это очень трудно из-за того, что наши умы воспитаны на представлениях, не применимых к реальной жизни. Вы думаете: если однажды достичь состояния медитации, больше ничего не нужно – вы останетесь в медитации. Вы ошибаетесь. Медитация – не статичное состояние. Это равновесие. Вам придется достигать его снова, снова и снова. Достичь его вам будет легче и легче, но оно не будет оставаться у вас в руках всегда, как собственность. Каждый миг нужно находить его заново, только тогда оно ваше. Вы не сможете отдыхать, не сможете сказать: «Я долго медитировал и понял, что мне больше ничего делать не нужно. Можно отдохнуть». Жизнь не верит в отдых; жизнь есть постоянное движение от совершенства к еще большему совершенству.

Послушайте меня: от совершенства к еще большему совершенству. Жизнь никогда не бывает несовершенной, она всегда совершенна, но всегда возможно еще большее совершенство. С точки зрения логики это абсурдно.

Я читал историю...

Одного человека обвинили в том, что он расплатился фальшивыми деньгами. На суде обвиняемый сказал, что не знал, что деньги были фальшивыми. Когда от него потребовали доказательств, он сознался:

– Я их украл. Стал бы я красть деньги, если бы знал, что они фальшивые?

Поразмыслив, судья решил, что это не лишено здравого смысла, и снял обвинение в подделке денег. Но взамен он выдвинул новое обвинение – в воровстве.

– Конечно, я их украл, – любезно согласился обвиняемый. – Но согласно закону фальшивые деньги не имеют никакой ценности. С каких пор преступлением считается кража ценности, которая ничего не стоит?

Никто не смог найти в его логике изъяна, и его отпустили на свободу.

Но в жизни логика не поможет. В жизни вам не отделаться так легко.

Можно легально и логично выбраться из юридической ловушки, потому что такая ловушка строится на аристотелевой логике – чтобы уйти из нее, можно воспользоваться той же логикой. Но в жизни вы не сможете выйти из положения при помощи логики, теологии и философии, или благодаря тому, что очень ловко изобретаете теории. Выбраться из ловушки жизни, выйти за пределы жизни можно только благодаря реальному опыту.

Есть два типа религиозных людей. Первый тип – инфантильный, основывающийся на поисках образа отца. Люди первого типа – не взрослые, они не могут полагаться на самих себя, поэтому им нужен Бог – какой угодно. Есть он или нет, неважно, – но Бог необходим. Даже если Бога нет, незрелый ум его изобретет, потому что такова психологическая потребность незрелого ума. Вопрос не в истине – есть ли Бог или нет, вопрос в психологической потребности.

В Библии говорится, что Бог создал человека по своему образу, но скорее, наоборот: человек создал по своему образу Бога. Вы создаете Бога в соответствии со своими потребностями, вот почему идея Бога меняется с каждым столетием. В каждой стране свои представления о Боге, потому что в каждой стране свои потребности. Даже у каждого отдельного человека особое представление о Боге, потому что у каждого свои потребности, которые нужно удовлетворить.

Итак, религиозный человек первого типа – так называемый религиозный человек – просто незрел. Для него религия еще не религия, а психология. А делать из религии психологию – значит просто мечтать, выдавать желаемое за действительное. Такая религия не имеет ничего общего с реальностью.

Я читал...

Маленький мальчик в заключение молитвы сказал: «Дорогой Бог, позаботься о мамочке, позаботься о папочке, позаботься о моей маленькой сестренке, о тете Эмме и дяде Джоне, о бабушке и дедушке, – и главное, милый Бог, позаботься о себе, иначе мы все пропали!»

Таков Бог большинства. Девяносто процентов так называемых религиозных людей – незрелые люди. Они верят потому, что не могут жить без веры; они верят потому, что вера дает им некоторую безопасность; они верят потому, что вера помогает им чувствовать себя защищенными. Это *их собственная* мечта, но она помогает. Без веры им будет одиноко в темной ночи жизни, в жестокой битве существования. Но их Бог – это *их собственный* Бог, а не божественность реальности. И как только они избавятся от незрелости, их Бог исчезнет.

Так и случилось: в нашем веке многие люди перестали быть религиозными – не потому, что узнали, что Бога нет, а потому, что этот век немного прибавил нам зрелости. Человек достиг совершеннолетия, стал чуть более зрелым. Поэтому Бог детства, Бог незрелого ума просто потерял актуальность.

Вот что значит заявление Фридриха Ницше: «Бог умер». Умерла не божественность, умер Бог незрелого ума. На самом деле, неправильно говорить, что Бог умер, потому что Бог никогда не жил. Правильнее сказать, что Бог более не актуален. Человек в большей степени может полагаться на самого себя; ему не нужна вера, не нужны костыли веры.

Как следствие, люди стали меньше и меньше интересоваться религией. Им стало безразлично, что происходит в церкви, – и безразлично до такой степени, что они даже ни с чем не спорят. Если спросить: «Вы верите в Бога?» – они скажут: «Какая разница? Существует он или нет, от этого ничего не меняется». Если вы сами верите, из вежливости они скажут: «Ладно, Бог существует». Если вы не верите, они скажут: «Хорошо, Бога нет». Но никакого страстного интереса больше нет.

Первый тип религии просуществовал многие века, многие эпохи и становится все более устаревшим, отжившим. Его время истекло. Нужен новый Бог, не психологический. Необходим новый, экзистенциальный Бог: божественность реальности, Бог *как* реальность. Можно даже отказаться от слова «Бог», можно заменить его словом «реальное», «экзистенциальное».

И есть второй тип религиозных людей, для которых религия больше не порождение страха. Первый тип религии возникает из страха, второй тип – тоже мнимая, поддельная, так называемая религия – порождение не страха, но ума. Есть хитрецы, постоянно изобретающие теории; искусенные в логике, метафизике, философии, эти люди создают религию как чистую абстракцию: прекрасное произведение искусства, интеллекта, разума, философствования. Но она не проникает внутрь жизни, ни в чем не соприкасается с жизнью, оставаясь всего лишь абстрактной концептуализацией.

Однажды Мулла Насреддин мне сказал: «Я никогда не был порядочным человеком. Я воровал дыплят и арбузы, напивался и в драках пускал в ход кулаки и бритву, но только одного никогда не делал: несмотря на всю свою низость, я никогда не отступался от своей религии».

Что это за религия? Она никак не влияет на вашу жизнь. Вы верите, но вера не проникает внутрь жизни, не преображает ее. Она не становится неотъемлемой частью вас: не течет в вашей крови, не дышит в вашем дыхании, не бьется у вас в сердце – это что-то бесполезное. Самое большее – украшение, но совершенно бесполезное. В определенные дни вы ходите в церковь; это формальность, социальная необходимость. Вы можете говорить о Боге, о Библии, о Коране, о Ведах и изливать потоки красноречия, но все это пустые слова, вы не искренни. Ничего подобного нет в вашей жизни – она идет своим чередом, она не имеет ничего общего с религиозностью.

Посмотрите... кто-то называет себя мусульманином, кто-то называет себя индуистом, один говорит, что он христианин, другой говорит, что он иудей, – их вера различна. Но посмотрите на их жизнь – вы не найдете между ними никакого различия. Мусульманин, иудей, христианин, индуист – все они живут одинаково. Вера совершенно не затрагивает их жизнь.

По сути дела, никакие верования не могут затронуть вашу жизнь; это приспособления, коварные уловки, позволяющие вам сказать: «Я знаю, что такое жизнь», – и спокойно отдыхать, не беспокоясь больше о жизни. У вас в руках готовая концепция, и с ее помощью вы можете объяснить что угодно. Тогда жизнь не слишком вас беспокоит, потому что у вас есть ответы на все вопросы.

Но помните... пока религия не стала личной, пока из абстракции она не превратилась в реальность, не вошла глубоко в ваши корни, в самую сердцевину – пока она не стала вашей плотью и кровью, – она бесполезна, тщетна. Это религия философов, но не религия мудрецов.

Когда появляется третий тип... настоящая религия. Первые два типа были ее фальсификацией, ложными измерениями, дешевые, очень доступные, потому что от вас ничего не требуется. Путь религии третьего типа труден и тяжел. Она бросает вам великий вызов; она переворачивает все в вашей жизни вверх дном, потому что третья, настоящая религия требует, чтобы к Богу обращались лично – вам придется принять его вызов и бросить вызов ему, прийти с ним к согласию, может быть, даже с ним бороться, сражаться, любить его и ненавидеть, быть ему другом и врагом, – но чтобы опыт Бога был живым.

Я слышал об одном маленьком ребенке, мне бы хотелось, чтобы вы были на него похожи. Он проявил настоящий ум...

На пикнике воскресной школы потерялся маленький мальчик. Мать бросилась его разыскивать и вскоре услышала громкий детский голос: «Эстель! Эстель!»

Она тут же заметила своего малыша, подбежала к нему и крепко обняла.

– Почему ты звал меня по имени – Эстель, а не кричал: «Мама»? – спросила она, так как никогда раньше он не называл ее по имени.

– Кричать «мама!» было бессмысленно, – объяснил малыш. – Их здесь полным-полно.

Если вы зовете: «Мама!»... матерей так много – полным-полно. Нужно позвать лично ее, нужно позвать по имени.

Пока Бога не позовут лично, пока не обратятся к нему по имени, он не станет реальностью. Можно звать «отца», но о чем отцу вы говорите? Когда Иисус называл Бога «отцом», это было личное обращение. Когда этим словом пользуетесь вы, оно абсолютно безлично. Оно христианское, но безличное. Когда Иисус звал Бога «отцом», это имело смысл, когда об «отце» говорите вы, это бессмысленно: вы не нашли никакой связи, реальной связи с существованием. Только живой опыт – не вера и не философия – только живой опыт даст вам способность обращаться к существованию лично. Тогда вы сможете с ним столкнуться лицом к лицу.

А не столкнувшись с существованием, вы просто обманываете себя словами... – пустыми, бессодержательными.

Был один очень известный суфийский мистик, его звали Шакик. Он доверял Богу так глубоко, безгранично, что жил одним этим доверием. Иисус говорит своим ученикам: «Посмотрите на полевые лилии – они не трудятся; но все же они так живы и прекрасны, что и Соломон во всей своей славе не сравнится с ними». Шакик жил, как лилия... Немногие мистики жили так, как он; но иногда так жили самые обычные люди... Доверие бесконечно, абсолютно, ничего делать не нужно – для вас все сделает существование. Больше того, даже когда вы что-то делаете, это делает Бог. Вам только кажется, что вы что-то делаете.

Однажды к Шакику пришел человек, который обвинил его в праздности и лени и предложил на себя работать. «Я буду платить тебе за службу», – добавил он.

Шакик ответил: «Я принял бы твоё предложение, если бы не пять возражений. Первое: ты можешь разориться. Второе: твоё богатство могут украсть воры. Третье: все, что ты мне дашь, ты будешь отдавать с большой неохотой. Четвертое: заметив недостатки в моей работе, ты, скорее всего, меня уволишь. Пятое: если тебя постигнет смерть, я потеряю источник пропитания. А между тем, – заключил Шакик, – у меня уже есть Хозяин, в полной мере лишенный подобных несовершенств».

Вот что такое доверие. Доверьтесь жизни, и тогда нельзя будет ничего потерять. Но доверие не придет благодаря идеологической пропаганде, не придет из образования, проповедей, обучения, мышления; доверие может прийти только из опыта жизни – во всех ее противоположностях, противоречиях, парадоксах. Когда среди всех парадоксов вы находите точку равновесия, это и есть доверие. Доверие – аромат равновесия, благоухание равновесия.

Если действительно хотите обрести доверие, бросьте все ваши верования. Они не помогут. Верующий ум глуп, доверяющий ум становится средоточием чистого разума. Верующий ум посредственен, доверяющий ум становится совершенным. Доверие рождает совершенство.

И разница между верой и доверием проста. Я говорю не о словарном значении этих слов – в словаре вы прочтете, что верование означает доверие, доверие означает веру, вера означает верование. Я говорю об экзистенциальном. В экзистенциальном смысле вера заимствована, доверие же – ваше собственное. Вы верите, но под самой поверхностью вашей веры остается сомнение. В доверии нет элемента сомнения – оно свободно от сомнения. Вера создает внутреннее разделение: одна часть ума верит, другая часть отвергает. Доверие – это единство вашего существа, ваша тотальность.

Но как можно тотально доверять, если нет собственного опыта? Бог Иисуса не годится; Бог, пережитый мной, не годится для вас; Бог, пережитый Буддой, вам не подходит – опыт должен быть *ваш*. Придерживаясь верований, вы будете раз за разом сталкиваться с опытами и переживаниями, которые не соответствуют верованиям; в таких случаях ум склонен не замечать опытов, делать вид, что их нет, потому что они нарушают покой. Они подрывают веру, а вам хочется продолжать за нее цепляться. И тогда вы становитесь все более слепы к жизни – вера застилает вам глаза.

Доверие открывает глаза, доверию нечего терять. Доверие означает – что реально, то реально: «Я могу отложить в сторону желаемое, оно только отвлекает ум от действительного, но ничего в действительном не меняет».

Если вы во что-то верите и сталкиваетесь с опытом, который с этой верой несовместим и в силу этого кажется невозможным – или опыт таков, что вынуждает вас отбросить веру, – что вы выберете: веру или опыт? Ум склонен выбрать веру и забыть об опыте. Поэтому столько раз вы оставались глухи, когда Бог стучал вам в двери.

Помните: не только вы ищете истину – истина сама ищет вас. Много раз ее рука была к вам так близко, что почти вас касалась, но вы робели и отступали. Истина не соответствовала вашей вере, и вы выбирали веру.

Я слышал великолепный еврейский анекдот.

Однажды ночью в спальню Патрика О'Рурка влетел вампир, чтобы напиться его крови. Припомнив рассказы матери, О'Рурк схватил распятие и принялся лихорадочно им размахивать у самого носа вампира. Тот на мгновение замер, сочувственно покачал головой, поцокал языком и добродушно заметил на чистейшем идише: «Ой вей, баббула! Не повезло же тебе с вампиром!»

Да, хорошо, если вампир христианский! Можно показать ему крест. Ну а если вампир попался еврейский? Тогда: «Ой вей, баббула! Не повезло же тебе с вампиром!»

Если вы придерживаетесь определенной веры, а жизнь ей не соответствует, что вы будете делать? Можно и дальше размахивать распятием, – но если вампир окажется евреем, он не обратит на ваш крест никакого внимания. Что делать в этом случае?

Жизнь так огромна, а верование так мало; жизнь безгранична, а верование крохотно. Жизнь не соответствует никакой вере, и, пытаясь втиснуть жизнь в свою веру, вы пытаетесь сделать невозможное. Так не бывает. Так не может быть по самой природе вещей. Бросьте все верования и учитесь переживать опыт.

А теперь – история.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе, раввин Израэль с трубкой в руке присоединился к ним. Он был само дружелюбие, и они его попросили: «Скажи, дорогой равви, как нам служить Богу?»

Несколько слов о хасидизме. Во-первых, слово «хасид» происходит от еврейского слова, означающего «благочестивый, чистый». Оно образовано от существительного «хасед», что означает «божественная милость».

Слово «хасид» очень красиво. В самой своей отправной точке сам подход хасидизма основан на божественной милости. Не *вы* что-то делаете – жизнь происходит сама; просто будьте в молчании, пассивности, бдительности, восприимчивости. Бог является из своей милости – не благодаря вашим усилиям. Поэтому хасидизм не предписывает никаких аскетических практик. Хасидизм верит в жизнь, в радость. Хасидизм – одна из немногих жизнеутверждающих религий в этом мире. В нем нет отречения, ни от чего отречься не нужно. Напротив, вы должны праздновать. Считается, что основатель хасидизма Баал Шем сказал: «Я пришел научить вас новому пути, – не пути поста и искупления, не пути потакания, – но пути радости в Боге».

Хасид любит жизнь, стремится к ее живому опыту, и из самого этого опыта рождается равновесие. И в таком состоянии равновесия – когда вы по-настоящему сбалансированы, не склоняясь ни в одну ни в другую сторону, когда вы точно посередине, – однажды вы переступаете пределы. Середина принадлежит запредельному, в середине человек находит двери в запредельное.

Если вы действительно хотите знать, что такое существование... оно не в жизни и не в смерти. Жизнь – одна крайность, смерть – другая. Существование же точно между ними; там,

где нет ни жизни, ни смерти, и человек не рожден и бессмертен. В этот миг полного равновесия нисходит божественная милость.

Мне бы хотелось, чтобы все вы научились искусству принимать божественную милость. Мне бы хотелось, чтобы вы узнали эту науку, это искусство равновесия.

Ум любит выбирать крайности. Есть люди, склонные к потаканию: они потакают себе в чувственности, сексуальности, еде, владении вещами – одеждой, домами, тем или другим. Люди потакания слишком отклоняются в сторону жизни – и теряют равновесие. Другие же пугаются, видя, как первые срываются с каната существования и падают в потакание, в пропасть потакания. Они начинают склоняться к другой крайности – отрекаются от мира, бегут в Гималаи. Они бегут от жен, детей, дома, мира, они уходят и прячутся в монастырях. Они выбирают другую крайность. Потакание – это крайность жизни, отречение – крайность смерти.

Таким образом, в замечании Фридриха Ницше об индуизме – когда он называет индуизм религией смерти, – есть доля истины. Когда Ницше говорит, что Будда похож на самоубийцу, в его словах есть доля истины. И вот эта истина: человек бросается из одной крайности в другую.

Вся суть хасидизма в том, чтобы не выбирать крайности, а оставаться посередине, – открытым для обеих крайностей и, в то же время, за их пределами, ни с одной из них не отождествляясь, не становясь одержимым и ни к какой из них не привязываясь – просто оставаться свободным и радостно наслаждаться обеими. Если приходит жизнь, наслаждайтесь жизнью; если приходит смерть, наслаждайтесь смертью. Если Бог по своей милости дарует жизнь, любовь – хорошо; если он посылает смерть, наверное, и она хороша – это его дар.

Баал Шем прав, когда говорит: «Я пришел научить вас радоваться в Боге». Хасидизм – религия празднования, чистейшее цветение культуры иудаизма, цветение и аромат всего еврейского народа, одно из самых красивых явлений на земле.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе...

Хасидизм учит жить сообща. Это очень общинное мировоззрение. Хасидизм говорит, что никакой человек не остров, никакой человек не эго – не должен быть эго, не должен быть островом. Человек должен жить общинной жизнью.

Мы здесь растим хасидскую общину. Жить общиной значит жить в любви, жить общиной значит жить в согласии, заботиться друг о друге.

Есть много религий, ориентирующих людей на самих себя. Они думают только о себе, никогда не об общине. Они думают только, как *мне* достичь освобождения, как *мне* стать свободным, как *мне* достичь мокши – *моей* мокши, *моей* свободы, *моего* освобождения, *моего* спасения. Но перед всем стоит «*мое*» – эго. Эти религии изо всех сил пытаются отбросить эго, но именно на эго основаны все их усилия. Хасидизм говорит: если вы хотите отбросить эго, лучший способ это сделать – жить общиной, жить с людьми, разделять их радости и печали, счастье, жизнь, смерть. Заботьтесь о других, сопереживайте, и тогда эго исчезнет само собой. А когда эго нет, человек свободен. Свободы эго не бывает, бывает только свобода *от* эго.

Хасидизм пользуется общинной жизнью как средством. Хасиды жили небольшими общинами, и созданные ими общины прекрасны – очень праздничные, танцующие, наслаждающиеся маленькими радостями жизни. Они делают священным в жизни самое малое – еду, питье. Все обретает качество молитвы. Обыденность жизни перестает быть обыденной, она наполняется божественной милостью.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе...

Вот их особенность. Если вы посмотрите на джайнских монахов, то не увидите никакого братства – невозможно. Отличается сам подход. Каждый джайнский монах – как остров, но хасиды – не острова. В глубоком братстве они составляют один континент.

Отдельный человек, замкнутый в себе самом, уродлив. Жизнь – в любви, в потоке, в том, чтобы отдавать, принимать, делиться.

Пойдите в джайнский монастырь или храм, где сидят джайнские монахи, – просто понаблюдать. Вы ясно увидите, что каждый из них замкнут в себе, нет никакой связи с внешним миром. На это и направлены все усилия: не быть связанным, разорвать всякие внешние отношения. Но чем больше вы оторваны от общины и от жизни, тем вы мертвее. Очень трудно найти джайнского монаха, который был бы еще жив. Я знаю это очень хорошо, потому что родился джайном и наблюдаю их с самого детства. Просто удивительно! Какая беда случилась с этими людьми? Что с ними стряслось? Они мертвы. Они живые трупы. Если к ним приблизиться, не будучи заранее убежденным в их великой святости, и просто беспристрастно наблюдать, вы будете поражены, растеряны. Какая болезнь, какой недуг поразил этих людей? Они невротичны. Их занятость собой превратилась в невроз.

Община потеряла для них всякий смысл, тогда как весь смысл в общине. Помните... когда вы кого-то любите, вы не только отдаете любовь – отдавая, вы растете. Когда любовь течет между вами и возлюбленным, это обогащает обоих. И в этом обмене любовью начинают реализовываться ваши скрытые возможности. Именно так происходит самореализация. Любите больше, и вы станете больше; любите меньше, и вы уменьшитесь. Человек всегда соразмерен своей любви. Величина бытия пропорциональна величине любви.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе, к ним, с трубкой в руке, присоединился...

Знаете ли вы другого святого с трубкой в руке?

...раввин Израэль с трубкой в руке присоединился к ним.

Обычную жизнь – даже трубку – следует почтить и сделать священной. Курить можно очень молитвенно. А можно совсем немолитвенно молиться. Вопрос не в том, что вы делаете... Можно ходить в храм, можно ходить в мечеть, и все же молиться очень немолитвенно. Все зависит от вас. Все зависит от качества, которое вы вкладываете в молитву. Можно есть, курить, пить – и все эти небольшие, обыденные действия можно совершать в такой благодарности, что они становятся молитвой.

Вот в чем суть: неважно, что вы делаете. Можно коснуться чьих-то ног, но очень немолитвенно, и тогда в этом нет смысла, а можно курить и делать это молитвенно – и ваша молитва достигнет Бога.

Людам, которые держатся за жесткие представления о религии, духовности, это очень трудно, но мне бы хотелось, чтобы вы стали более текучими, гибкими. Не держитесь твердых убеждений. Наблюдайте.

...раввин Израэль с трубкой в руке присоединился к ним.

Он был само дружелюбие, и они его попросили:

«Скажи, дорогой равви, как нам служить Богу?»

Да, только в глубокой дружественности можно что-то спросить. И только в глубокой дружественности можно что-то ответить. Мастера и ученика соединяет глубокая дружба – они как влюбленные. И ученик должен ждать подходящего момента, и мастер должен ждать подходящего момента; когда дружба течет свободно, без всяких преград – тогда можно дать ответ. А иногда ученик может получить ответ, даже если ответа не было; можно передать учение, не прибегая к помощи слов.

Он удивился этому вопросу ответил было: «Откуда мне знать?»

В самом деле, так отвечают все, кто знает: «Откуда мне знать?»

«Как служить Богу? Вы задаете такой важный вопрос – я не достоин того, чтобы на него ответить, – говорит мастер. – Откуда мне знать?»

О любви ничего нельзя знать, ничего нельзя знать о том, как служить Богу, – это очень трудно.

...но потом рассказал такую историю...

Сначала он говорит: «Откуда мне знать?» Сначала он говорит, что в таких вещах знание невозможно. Сначала он говорит, что не может дать никакого знания. Сначала он говорит, что не может сделать вас более знающими – нет такого способа. Но потом рассказывает историю.

История совершенно не похожа ни на какие теоретические выкладки. История – нечто более живое, более наглядное. Она не много говорит, но многое показывает. Все великие мастера рассказывали истории, притчи, анекдоты. Причина в том, что если сказать что-то прямо, многое погибнет. Прямолинейное выражение слишком грубо, примитивно, вульгарно, уродливо. Притча делает описание очень деликатным. Она его сглаживает, делает более поэтичным и менее логическим, ближе к жизни, парадоксальнее. Когда речь идет о Боге, нельзя пользоваться силлогизмами и доводами. Но можно рассказывать истории.

Еврейский народ славится своими притчами. Иисус, который был евреем, рассказал несколько самых красивых притч, какие только знал этот мир. Евреи большие мастера рассказывать истории. В философии они, вообще говоря, не слишком сильны, но их философские притчи очень красивы. Притчи о многом говорят, ничего прямо не называя, ни на что непосредственно не указывая, они создают определенную атмосферу. В этой атмосфере можно что-то понять. Так действует притча.

...но потом рассказал такую историю...

Сначала он говорит: «Откуда мне знать?» Он просто отрицает знание, всякую возможность знания. Философ говорит: «Да, я знаю», – и предлагает четко сформулированную теорию, доказательную с точки зрения логики и математики, подкрепленную аргументами и силлогизмами. Он стремится убедить. Быть может, он вас не убедит, но сможет подавить аргументами.

Притча никогда не стремится убеждать. Она захватывает врасплох, уговаривает, словно щекочет глубоко изнутри.

Спрашивая: «Откуда мне знать?» – мастер говорит: «Не беспокойтесь: я не собираюсь приводить никаких аргументов, никаких теорий. Не волнуйтесь, я не собираюсь вас ни в чем убеждать. Я хочу просто порадовать вас небольшой притчей, историей». Слушая историю, вы расслабляетесь, воспринимая теорию, вы приходите в напряжение. А все, что создает напряжение, не может принести большой пользы. Напряжение разрушительно.

...но потом рассказал такую историю:

У одного короля было двое друзей, и оба они оказались повинны в преступлении. Король их любил и хотел явить им милость, но не мог оправдать, потому что даже королевское слово не может быть сильнее закона. Тогда он велел натянуть веревку над глубокой пропастью и вынес приговор, чтобы они, один за другим, прошли по ней. Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Притча создает определенную атмосферу, атмосферу домашнего уюта – как будто бабушка рассказывает вам историю перед сном. Дети просят: «Расскажи нам сказку». Это помогает им расслабиться и уснуть. История очень расслабляет и не давит на ум, скорее, она начинает играть с вашим сердцем. Слушая историю, вы слушаете не «головой» – нельзя воспринимать историю головой, слушая «головой», вы упустите суть. Воспринимая головой, понять историю невозможно – ее нужно понимать сердцем. Вот почему слишком «головные»

народы и страны не понимают хороших шуток. Например, немцы! – анекдоты им не даются. Это одна из самых разумных в мире наций, но на шутки они не богаты.

Кто-то сказал немцу – я случайно услышал – кто-то сказал немцу, что знает хороший анекдот про немцев. Немец сказал: «Не забывай, что я сам немец», – на что тот ответил: «Ладно, я буду его рассказывать очень, очень медленно!»

Немцам очень трудно. Германия – страна профессоров, мастеров логики: Кант, Гегель и Фейербах... Они всегда думали головой. Они развивали голову, они создали великих ученых, логиков, философов. Но кое-что они упустили.

У нас в Индии шуток мало – в этом проявляется оскудение духа. Вам не удастся найти ни одной чисто индийской шутки – нет. Все шутки, имеющие хождение в Индии, заимствованы у Запада. Нет ни одного чисто индийского анекдота. Можете мне поверить, потому что мне попадались все анекдоты мира! Индийского анекдота не существует как такового. В чем причина? Все та же – очень интеллектуальные люди. Они все сплетали и сплетали теории – от Вед до Сарвапалли Радхакришнана они только и делали, что свивали одну теорию за другой, и так глубоко ушли в это занятие, что разучились рассказывать красивые истории и сочинять шутки.

Равви начал рассказывать историю – ученики, должно быть, расслабились, слушая без напряжения, но *внимательно*. Красота истории в том, что, когда ее рассказывают, вы внимательны, но в то же время не напряжены. Вы можете быть расслабленным и все же внимательным. Когда вы слушаете историю, возникает пассивное внимание. Слушая теорию, вы становитесь очень напряженными, потому что, пропустив хотя бы одно слово, можно ее не понять. Вы становитесь более сосредоточенными. Слушая историю, человек становится более медитативным, – терять особенно нечего. Даже если где-то вы и пропустите несколько слов, потеря будет невелика, потому что историю можно просто почувствовать – она не настолько зависит от слов.

Должно быть, ученики расслабились, и мастер рассказал историю.

Тогда он велел натянуть веревку над глубокой пропастью и вынес приговор, чтобы они, один за другим, прошли по ней. Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Очень важное предложение:

Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Иисус часто говорит ученикам: «Придите ко мне, если хотите иметь жизнь в избытке. Если хотите иметь жизнь вечную, придите ко мне». Но жизнь вечная случается только с теми, кто переходит предел рождения и смерти, переходит предел двойственности, переходит на другой берег. Другой берег, другая сторона – просто символ трансцендентального. Но это только намек. Ничто не сказано прямо, только намек.

А история продолжается.

Все было сделано так, как велел король, и первый из друзей перешел благополучно.

Здесь описываются два типа людей.

Первый человек просто пошел и пересек пропасть благополучно. Обычно мы сначала попытались бы выяснить, как ходить по канату. Канат, натянутый над глубокой пропастью, – это опасно. Мы захотели бы узнать способы, средства, метод хождения по канату. Мы стали бы спрашивать: как? – техника, должна быть какая-то техника... Люди ходили по канату много веков.

Но первый человек просто пошел, ничего не выясняя, даже не дожидаясь другого. Это естественная склонность – пропустить другого вперед. Можно хотя бы посмотреть и понаблюдать – это поможет. Нет, первый просто пошел. Должно быть, он был человеком необычайного доверия, должно быть, он был человеком непоколебимой уверенности. Должно быть, он понял

в жизни одно: есть лишь один путь научиться чему-либо – пережить, испытать. Другого пути нет.

Нельзя научиться ходить по канату, наблюдая за канатоходцем, – нет, невозможно, – поскольку это не похоже на технологию, которую можно наблюдать со стороны; это некое внутреннее равновесие, которое известно только самому идущему. И его нельзя передать. Он не может просто рассказать – ничего нельзя сказать словами. Ни один канатоходец не может рассказать, как ему это удается.

Например, вы умеете ездить на велосипеде. Можете ли вы кому-нибудь рассказать, как вы едете? Вы «знаете» равновесие – это нечто вроде хождения по канату, только на двух колесах, расположенных по прямой. Вы просто «берете и едете» – едете так быстро, с таким доверием. Если кто-то спросит, в чем секрет, – сможете ли вы свести его к формуле, к H₂O? Сформулировать принцип? Вы не скажете: «Вот мой принцип, я следую этому принципу», – вы скажете: «Единственный способ научиться – самому сесть на велосипед. Я тебя подтолкну. Сначала ты пару раз упадешь, но потом поймешь, что единственный способ узнать – это узнать». Единственный способ научиться плавать – это поплыть, со всеми вытекающими опасностями.

Должно быть, первый человек пришел к глубокому пониманию: жизнь не похожа на учебник. Ей нельзя научить, ее нужно переживать. И, должно быть, это был человек огромной осознанности. Он не стал медлить, а просто пошел, будто ходил по канату всегда. Никогда раньше он не ходил по канату, он ступил на канат в первый раз.

Но для человека осознанности все происходит впервые, и человек осознанности умеет все – даже в первый раз. Его умение не приходит из прошлого, его умение рождается из настоящего. Помните: все можно делать двумя способами. Можно делать что-то потому, что вы делали это раньше – вы умеете, присутствовать не обязательно, достаточно механического действия. Но если вы чего-то раньше не делали и собираетесь сделать впервые, нужно быть чрезвычайно бдительным, потому что на этот раз у вас нет прошлого опыта. Вы не можете полагаться на память, придется полагаться на осознанность.

Есть два источника деятельности: вы действуете, либо исходя из памяти, знаний, прошлого, ума, либо – из осознания, настоящего, не-ума.

Первый из них, должно быть, был человеком не-ума, человеком, который знает, что можно просто взять и пойти, сохраняя бдительность, – и будь что будет. И, что бы ни случилось, все хорошо. Такая смелость...

...и первый из друзей перешел благополучно. Другой же, стоя на прежнем месте, крикнул ему: «Скажи мне, друг, как тебе это удалось?»

Второй человек символизирует ум большинства, массовый ум. Сначала он хочет узнать, как перейти. Есть ли какой-нибудь метод? Техника, которой можно научиться? Он ждет, что скажет другой.

«Скажи мне, друг, как тебе это удалось?»

Должно быть, второй человек верит в знание. Он верит в чужой опыт.

Ко мне приходит много людей. Они говорят: «Ошо, расскажи нам, что с тобой произошло?» Но что это вам даст? Об этом говорили Будда, Махавира, Иисус – и что это вам дало? Бесполезно – до тех пор, пока это не происходит с вами. Я могу рассказать еще одну историю, вы можете пополнить ею свою память, но это не поможет.

Ожидать чужого знания – значит ожидать напрасно, так как ничто, данное другими, не может иметь никакой ценности, а все сколько-нибудь ценное передать нельзя.

Первый крикнул в ответ: «Сам не знаю!.. Только одно могу сказать»...

Хотя он и перешел пропасть, он говорит: «Сам не знаю!..» В самом деле, жизнь никогда не становится знанием; она остается очень глубоким, текучим переживанием, не превращаясь в знание. Ее нельзя выразить словами, свести к концепции, сформулировать в четкую теорию.

«Сам не знаю!.. Только одно могу сказать: когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

«Только это и можно сказать: по обе стороны от меня, слева и справа, были две крайности. Когда я чувствовал, что слишком наклоняюсь влево и теряю равновесие, я наклонялся вправо. Но мне снова приходилось балансировать – теперь я начинал слишком сильно клониться вправо и снова чувствовал, что теряю равновесие... – и снова наклонялся влево».

Итак, он говорит две вещи. Во-первых: «Я не могу сформулировать это как знание. Я могу только показать. Я не знаю точно, что произошло, могу дать только намек, и то небольшой. На самом деле, не понадобится даже намек. Ты сам пройдешь через этот опыт. Вот все, что можно сказать».

Будду все время спрашивали: «Что с тобой произошло?» – и он отвечал: «Этого нельзя выразить словами; могу сказать только, при каких обстоятельствах, в каких условиях это произошло. Возможно, вам это немного поможет. Я не могу рассказать о высшей истине, но могу рассказать, как, на каком пути, при помощи какого метода и в какой ситуации случилось так, что на меня снизошла божественная милость, ко мне пришло благословение».

Этот человек говорит:

«...когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

«Вот и все. Ничего особенного. Так я сохранял равновесие, так я оставался посередине». Середина – изящество духа, благословение, божественная милость.

Равви говорит своим ученикам: «Вы спрашиваете, как вам служить Богу?» – и своей притчей показывает – держитесь середины.

Избегайте чрезмерного потакания и чрезмерного отречения. Не ограничивайтесь только миром, но и не бегите от него. Сохраняйте равновесие. Когда вы чувствуете, что слишком потакаете себе, наклонитесь в сторону отречения; а когда чувствуете, что превращаетесь в отшельника, аскета, снова наклонитесь к потаканию. Держитесь середины.

На дорогах Индии стоят знаки: «Держитесь левой стороны»; в Америке вы увидите: «Держитесь правой стороны». В мире всего два типа людей: кто-то держится слева, кто-то – справа. Третий тип – кульминация сознания. Здесь правило такое: «Держитесь середины». Только не вздумайте применять его на дороге!.. Но на дороге жизни держитесь середины. Ни влево, ни вправо... точно посередине.

И в этой середине возникнут проблески равновесия. Есть точка – ее можно уловить, почувствовать, – есть точка, где вы не склоняетесь ни к какой крайности, – вы точно посередине. В эту долю секунды, внезапно – божественная милость, все в равновесии.

Именно так служат Богу. Оставайтесь в равновесии, и это станет служением Богу; оставайтесь в равновесии, и тогда Бог открыт для вас, и вы открыты для Бога.

Жизнь – не технология, даже не наука; жизнь – это искусство, или, может быть, даже лучше назвать ее глубоким внутренним ощущением. Ее нужно чувствовать. Она подобна балансированию на канате.

Равви выбрал прекрасную притчу. Он ничего не сказал о Боге, о служении, он даже не дал прямого ответа. Ученики, наверное, и сами забыли о вопросе – в этом красота притчи. Она не делит ум на вопрос и ответ, а просто дает внутреннее ощущение действительности.

В жизни нет никаких технологий. Помните, жизнь – в отличие от американцев – не любит технологий. Американский ум, или, точнее, современный ум склонен делать технологии из

всего. Даже если речь идет о медитации, современный ум старается сделать из нее технологию. Мы создаем машины, теряя человека; мы теряем всякий контакт с жизнью.

Помните, есть вещи, которым нельзя научить, которые можно только уловить. Я здесь. Вы можете наблюдать меня, можете заглянуть мне внутрь – и вы увидите равновесие, вы увидите молчание. Оно почти осязаемо; вы можете его коснуться, можете его услышать, можете его увидеть. Вот оно! Я не могу сказать, что это такое, не могу дать специальных техник, чтобы его достичь. Самое большее, я могу рассказать несколько притч, историй, но это будут только намеки. Те, кто понимает, позволят им упасть себе в сердце, как падают в почву семена. В свое время, в нужную пору они прорастут; и вы по-настоящему поймете меня лишь в тот день, когда испытаете то же, что и я. Я перешел на другой берег, вы кричите мне через пропасть: «Скажи, друг, как тебе это удалось?» И вот все, что я могу вам сказать:

«Сам не знаю!.. Только одно могу сказать: когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

Держитесь середины. Будьте постоянно бдительны, чтобы не потерять равновесие, и тогда все случится само собой.

Оставаясь посередине, вы будете открыты для Бога, для его милости. Оставаясь посередине, вы можете стать хасидом; вы можете научиться принимать милость. Бог есть милость. Нельзя ничего сделать, чтобы найти его; можно сделать только одно: не преграждать ему путь. Двигаясь в крайность, вы становитесь напряженным, и напряжение делает вас слишком жестким. Когда вы посередине, напряжение исчезает, вы таете и становитесь текучим. Вы больше не преграждаете путь. Когда вы посередине, вы больше не стоите у Бога на пути, – или, позвольте мне сказать это так: когда вы посередине, вас нет. Точно посередине случается чудо: вы – никто, вы – ничто.

Вот тайный ключ. Он может отпереть для вас все тайные замки существования.

Достаточно на сегодня.

Глава 2

Игроки в игре

Разгневанный самурай на переправе

О добровольных страданиях, причиняемых амбициями и нетерпением

* * *

Музо, национальный учитель, один из самых прославленных мастеров своего времени, в сопровождении ученика покинул столицу, направляясь в далекую провинцию.

У реки Тенрю им пришлось ждать целый час, прежде чем они смогли взойти на паром. Когда они уже отплывали от берега, какой-то пьяный самурай вскочил на переполненный паром, едва не потопив его. Пока маленькая лодка пересекала реку, он шатался, отчего лодка угрожающе раскачивалась.

В страхе за своих пассажиров паромщик умолял его стоять спокойно. «Мы здесь, как сельди в бочке», – грубо сказал самурай. Затем, указав на Музо, добавил: «Почему бы нам не сбросить этого бонзу?» «Пожалуйста, потерпи, – сказал Музо, – скоро мы будем на той стороне». «Что?! – вскричал самурай. – Терпеть? Мне?! Послушай: если ты не выпрыгнешь сам, Клянусь, я тебя утоплю!»

Спокойствие мастера привело самурая в такое бешенство, что он ударил Музо железным веером, в кровь разбив ему голову.

Ученик Музо больше не мог этого выносить и, будучи человеком сильным и благородным, пожелал вызвать самурая на поединок. «Я не могу допустить, чтобы после этого он оставался в живых», – сказал он. «Стоит ли волноваться из-за такого пустяка? – с улыбкой сказал Музо. – Только в такие моменты и может проявить себя бонза. Помни: терпение – больше, чем просто слово».

И он прочел сочиненное экспромтом стихотворение-вака:

«Нанесший удар, принявший удар —

Лишь игроки в игре,

Эфемерной, как сон».

И когда лодка причалила к берегу, и Музо с учеником сошли на землю, самурай подбежал к мастеру и простерся у его ног. В то мгновение он стал учеником.

* * *

Искания, желание составляют основу болезни ума. Отсутствие исканий, желания – основное условие здоровья вашего существа.

Менять объекты желания очень легко, но это не путь трансформации. Можно желать денег, власти... можно изменить объекты желания – вы можете начать желать Бога, но останетесь прежним, потому что продолжаете желать.

Главная перемена касается не объектов желания, а субъективности человека.

Если желание прекращается – и помните, я не говорю, что нужно его прекратить, – когда желание останавливается, вы впервые чувствуете себя как дома: спокойным, терпеливым, блаженным; впервые жизнь открыта для вас, а вы – для жизни. Само разделение между вами и жизнью исчезает, и это состояние неразделенности – божественно.

Ко мне приходят люди со всего мира, они совершают путь в тысячи миль. Когда я спрашиваю: «Зачем вы пришли?» – кто-то говорит: «Я ищу Бога», а кто-то: «Я ищу истину».

Они не понимают, чего просят. Они просят невозможного. Бог не вещь. Бог не объект. Его нельзя искать. Бог – все целое. Можно ли искать целое? В нем можно раствориться, с ним можно слиться, но искать его нельзя. Искания просто означают: вы все еще верите, что отделены от целого; вы остаетесь ищущим, а целое – искомым.

Иногда вы ищете женщину, иногда вы ищете мужчину. Иногда, разочаровавшись в мире, начинаете искать мир иной – но вы еще не разочаровались в самих исканиях.

Ищущий всегда в беде. Ищущий вечно в растерянности. Он не понимает главной проблемы. Он думает, что нужно искать Бога, и тогда все разрешится. Совсем наоборот: если все разрешилось – внезапно – Бог...

Сами по себе искания нездоровы. Не увлекайтесь галлюцинациями эго... когда кто-то приходит и говорит, что ищет Бога, в его глазах так и светится эго, осуждение мира: он не простой человек, он человек религиозный. В том, как он это говорит, видна гордость: он не обычный человек, он не из простых смертных. Он особенный, необычный. Он не ищет денег, он ищет медитации. Он не ищет ничего материального, он ищет нечто духовное.

Но для меня – и для всех, кто знает, – все поиски принадлежат миру. Не бывает других поисков, кроме мирских. Желание принадлежит миру. Желания «не от мира» не бывает. Мир существует в самом желании. Неважно, чего именно вы желаете; самого факта желания достаточно, чтобы удержать вас во власти мира. Потому что все желания происходят из одного главного заблуждения – что вам чего-то недостает, что нужно что-то большее. Во-первых – и в главных – все, что вам нужно, уже есть. Ничего больше не нужно.

Из-за желаний мир превращается в кошмар, и последний из кошмаров – нирвана. Безусловно, последний – потому что, если вы просыпаетесь в поисках Бога и нирваны... когда вы просыпаетесь, все кошмары исчезают.

Вы отбросили мир. Теперь вы ищете Бога. Пожалуйста, отбросьте и Бога. Звучит несколько нерелигиозно, но это только кажется.

Мне очень нравится одно высказывание Альберта Эйнштейна. В каком-то месте он говорит: «Я глубоко религиозный неверующий». На самом деле, религиозный человек не может быть верующим. Религиозный человек может доверять, но не может верить. Доверие исходит из экзистенциального опыта; вера – просто галлюцинации ума, не более чем порождение идеологий, понятий, писаний, философий. Доверие приходит из жизни.

Стоит произнести слово «Бог», как сразу появляется вера. Бог представляет образ верования. А жизнь – не верование, но опыт. Позвольте жизни быть вашим единственным Богом. Никакого другого Бога не нужно, потому что все остальные боги изобретены человеком. Эйнштейн прав, когда говорит: «Я глубоко религиозный человек, но не верующий; я не признаю верований». Что он имеет в виду?

Качество религиозности не имеет ничего общего с качеством верующего. Верующий верит потому, что желает. Верующий верит потому, что стремится к каким-то поискам. Верующий верит потому, что не может жить без ума. Он всегда вставляет ум между собой и жизнью... как рука в перчатке: вы касаетесь возлюбленной, но опосредованно – руку покрывает перчатка. Возлюбленной касается перчатка; вы дотрагиваетесь только до своей перчатки.

Вера похожа на перчатку – она окружает вас оболочкой. Вы не открыты жизни прямо и непосредственно.

Религиозный человек в этом смысле гол – его не окутывают одежды верований. Он соприкасается с жизнью напрямую.

В этом соприкосновении вы таете. В этом соприкосновении вы растворяетесь. В этом соприкосновении вы перестаете быть собой. Вы стали целым, а целое пришло к вам. Океан впадает в каплю, и капля становится океаном.

Вера опасна. Мы все время ее меняем. Индуист может стать мусульманином, христианин – индуистом. Религиозный человек, так называемый религиозный человек может стать коммунистом, теист может стать атеистом – от этого ничто не меняется. Вы меняете верования, как перчатки, но перчатки остаются перчатками.

Неужели нельзя видеть непосредственно жизнь? Неужели нельзя любить непосредственно жизнь? Нужно ли в самом деле во что-то верить? Нельзя ли просто доверять жизни?

Позвольте мне сказать так: люди, не умеющие доверять, верят. Вера – это суррогат: фальшивая монета, обман. Людям, умеющим доверять, не нужны верования. Им достаточно жизни. Они не нагромождают на нее никакого бога, никакой нирваны или мокши. Зачем? Самой жизни более чем достаточно. Они просто живут.

Конечно, если у вас есть вера, вокруг нее можно выстраивать будущее. Если веры нет, то нет и никакого будущего, потому что жизнь происходит здесь-сейчас. Ждать нечего. Но мы продолжаем откладывать – до того самого мгновения, когда приходит смерть и отнимает этот дар.

Я читал...

Трое друзей завели один из тех бесполезных разговоров, какие время от времени увлекают всех нас. Они обсуждали вопрос: что каждый из них сделает, если врач скажет, что ему осталось жить всего шесть месяцев.

Робинсон сказал:

– Если бы я услышал от врача, что мне осталось всего шесть месяцев, первым делом я ликвидировал бы бизнес и спустил все сбережения, устроив на Французской Ривьере кутеж, какого никогда не видали. Я играл бы в рулетку, пировал, как король, и главное – девочки, девочки и еще раз девочки.

Наверное, этот человек откладывал – до смерти. Когда врач говорит, что вам остается всего полгода... Но и это, по-видимому, не более чем желание; скорее всего, он не сможет... когда в двери стучит смерть, это такое потрясение... Как можно наслаждаться, когда на пороге стоит смерть? Вы не могли наслаждаться, даже когда жизнь была рядом. Как можно наслаждаться, если жизнь с каждым мгновением уходит все дальше? Снова определенного рода вера: если это случится, «я тут же начну жить». Кто мешает вам жить сейчас же, сию секунду?

Второй ответил:

– Если бы врач сказал, что мне осталось жить только шесть месяцев, я первым делом пошел бы в туристическое агентство и отправился в кругосветное путешествие. На земле тысячи мест, которых я никогда не видел, и хочется на них взглянуть перед смертью – Большой Каньон, Тадж-Махал, Ангкор Ват....

Кто вам мешает? Зачем дожидаться смерти, чтобы увидеть Тадж-Махал? Сможете ли вы тогда на него смотреть? У вас в глазах будет так темно, что и Тадж-Махал будет не похож на Тадж-Махал. Когда в ум войдет смерть, вы ничего не сможете увидеть. Смерть вас ослепит. Вас охватит внутренняя дрожь. Вы не сможете ни слышать, ни видеть, не сможете даже дышать. Почему же люди всегда откладывают?

Третий ответил:

– Если бы врач сказал, что мне осталось всего шесть месяцев, я первым делом проконсультировался бы у другого.

Такое поведение кажется самым типичным. Вы и сами бы так поступили. Но и это не вернет вам жизни. Вы попытаетесь найти другого врача, который даст вам надежду, будущее, скажет: «Не волнуйтесь: можно и дальше откладывать. Спешить некуда: смерть далеко». Вы поищите и найдете человека, который даст вам надежду.

Надежда – это способ откладывать жизнь на потом.

Всякое желание – способ откладывать жизнь, и все верования – обман, позволяющий избежать действительности и продолжать думать о том, чего нет.

Бога нет. Есть жизнь. Пожалуйста, не ищите Бога.

Нирваны нет. Есть жизнь. Пожалуйста, не ищите нирваны.

И, перестав искать нирвану, вы обнаружите, что она скрыта в самой жизни. Перестав искать Бога, вы обнаружите, что он всюду... в каждой частице, в каждом мгновении жизни. Бог – другое название жизни. Нирвана – другое название полноценно прожитой жизни. Вы только слышали слово «жизнь»; это не живой опыт.

Отбросьте все верования, все препятствия. Не будьте христианином, не будьте индустом, не будьте мусульманином. Просто будьте живым. Пусть это будет вашей единственной религией.

Жизнь – единственная религия. Жизнь – единственный храм. Жизнь – единственная молитва.

Я слышал...

К одному дзэнскому мастеру пришел ученик. Он поклонился, коснулся ног мастера и сказал:

– Долго ли мне ждать просветления?

Мастер взглянул на него и долго, довольно долго не отводил взгляда. Ученику стало не по себе; он повторил вопрос и прибавил:

– Почему ты смотришь на меня, и так долго? Почему не отвечаешь?

И мастер дал ему настоящий дзэнский ответ. Он сказал:

– Убей меня.

Ученик не мог поверить: неужели это и есть ответ на его вопрос о просветлении? Он пошел спросить у старшего ученика. Тот рассмеялся и сказал:

– То же самое он проделал и со мной. И он прав. Он говорит: «Зачем спрашивать? Отбрось меня. Перестань спрашивать, отбрось вопросы. Убей меня. Брось все идеологии. Кто я такой? Я тебе не препятствую. Жизнь доступна. Почему ты не начинаешь жить? Почему ты все время готовишься?.. – „когда“ да „как“...»

Кажется, самое трудное для человеческого ума – это просто жить, голым, без всяких прикрас; просто жить – без всяких приготовлений; просто жить дикой и первозданной жизнью; просто жить – в этот самый миг.

Многие люди верят в дзэн – но дзэн учит доверять, а не верить. Вокруг меня много людей, верящих в меня, – но я учу доверию, а не вере. Если вы доверились своей жизни, вы доверились мне. Никакого интеллектуального верования не нужно.

Пусть эта истина проникнет в вас как можно глубже – жизнь уже здесь, прямо перед вами. Вы у цели. Не спрашивайте о пути.

У Франца Кафки есть притча, похожая на дзэнскую, почти дзэнская. Кафка пишет:

Я был в незнакомом городе, в который приехал недавно. Рано утром мне нужно было успеть на поезд, но когда я встал и посмотрел на часы, было уже поздно; я побежал. Добежав до башни и взглянув на башенные часы, я еще больше испугался, что пропущу поезд, потому что мои часы отставали. И я побежал еще быстрее... не разбирая дороги, не зная пути... и улицы были чисты и пустынные. Было раннее утро, холодное зимнее утро, и вокруг не было ни души.

Вдруг я увидел полицейского, и ко мне вернулась надежда. Я подошел к нему и попросил указать путь, но он сказал:

– Путь? Почему вы меня спрашиваете?

– Я чужой в этом городе и не знаю пути, вот почему, – объяснил я. – Пожалуйста, укажите мне путь: я опаздываю на поезд, а мне важно на него успеть.

Полицейский засмеялся и сказал:

– Может ли кто-нибудь указать путь другому? – Сказав это, он помахал рукой и, улыбаясь, пошел прочь.

На этом притча кончается. Она очень напоминает дзенские притчи. На Западе они считаются сюрреализмом, абсурдом, – но несправедливо. Конечно, услышать нечто подобное от полицейского более странно, чем от дзенского мастера, но порой дзенскими мастерами бывают и полицейские.

Кто может указать вам путь? – Ибо, по существу, никакого пути нет.

Вы уже у цели. Цель всегда там же, где и вы. Пути нет.

Продолжая спрашивать о пути, вы снова и снова пытаетесь создать будущее, а любое будущее продолжает кошмар.

Взгляните – жизнь изливается в это самое мгновение. Один-единственный миг свидетельства – и вы будете смеяться над абсурдностью самого вопроса о пути, способе или методе. Делать ничего не нужно.

Женщина обратилась к полицейскому:

– Господин офицер, меня преследует мужчина, и мне кажется, он сумасшедший.

Офицер взглянул на нее и ответил:

– Да, похоже на то.

Когда вы приходите ко мне с вопросами о пути, я говорю про себя: «Вот еще один сумасшедший». Если я не укажу вам пути, то покажусь недобрым, жестоким. Если я его укажу, то отправлю вас по ложной дороге.

Единственное, что можно сделать, – это отбросить вас к самому себе. Поэтому мне приходится изобретать такие пути, которые даже и не пути, а только ими кажутся. Они никуда не ведут, потому что идти некуда. Все уже пришли. Идти некуда.

Я изобретаю пути и методы, просто чтобы вас утомить; чтобы однажды, в глубокой усталости, вы просто бросили всякие поиски. Выбившись из сил, вы падаете на землю... в изнеможении – устав от всех путей и методов, устав от самих исканий... и внезапно на вас нисходит покой – покой, превосходящий понимание. И вы будете смеяться, потому что он был возможен всегда. Его не было до сих пор только из-за вас самих, из-за того, что вы сами от него бежали.

Все пути ведут куда-то, а истина здесь. Все пути уводят в сторону, а истина рядом. Ни один путь не может привести вас к себе.

Вот почему я говорю: напрягите все силы, чтобы устать как можно скорее. Не медлите, вложите всего себя без остатка, иначе многие жизни вы можете продолжать надеяться... Бросьте все свои силы, абсолютно, тотально; устаньте настолько, чтобы в самой этой усталости всякие усилия стали невозможны. И внезапно, упав в изнеможении, вы осознаете реальность, которая прямо перед вами.

Бог не вещь. Бог – это целиком все действие. Его нельзя поймать руками. Нирвана – не «что-то где-то»; это целое действие жизни.

Я читал небольшую историю...

Однажды весной учитель сказал своим маленьким ученикам:

– На днях я кое-что видел, и мне интересно, видел ли это кто-нибудь из вас. Если вы знаете, что это, то не говорите. Я вышел и увидел, что он поднимается над землей примерно на десять дюймов, и на верхушке у него маленький кружочек пуха, а если на него подуть, разлетается целая галактика звездочек. Как же он выглядел до того, как появился звездный шарик?

Один ученик сказал:

– Это был небольшой желтый цветок, похожий на подсолнух, только очень маленький.

– А на что он был похож раньше?

Маленькая девочка ответила:

– На крошечный зеленый полураскрытый зонтик, из-под которого виднелась желтая подкладка.

– Да. Но чем он был до этого?

Кто-то сказал:

– Маленькой розочкой из зеленых листьев, растущих из земли.

– Все знают, что это такое?

– Одуванчик! – закричали все.

– А вы когда-нибудь срывали одуванчик?

Большинство сказал «да», но учитель возразил:

– Нет, сорвать одуванчик нельзя. Это невозможно. Одуванчик – все, что вы только что сказали, и даже больше. Поэтому, если вы что-то срываете, это только одна или другая его часть. Нельзя сорвать одуванчик, потому что одуванчик – не предмет. Это процесс и целое действие. И, знаете, все есть процесс и действие – даже вы сами.

Даже одуванчик, маленький цветок, невозможно сорвать во всей его полноте, потому что эта полнота огромна. Можно ли сорвать Бога? Нельзя сорвать даже маленький цветок, а Бог – это все действие, от начала до конца. Все, что есть сегодня, – Бог; все, что когда-либо было, – Бог; все, что когда-либо будет, – Бог. Бог – не вещь; это процесс, и такой бесконечный и огромный... Можно ли искать Бога? Невозможно.

Вы можете жить, можете упасть в этот бесконечный океан божественности. Двери открыты в этот самый миг, и ничего ждать не нужно.

Дзэн стремится довести до вашего внимания тот факт, что никаких усилий не нужно, и в этой безуильности вся его суть. Этим дзэн отличается от йоги. Йога исповедует усилие, дзэн исповедует безуильность.

Конечно, усилие может куда-то привести, но оно не может привести к высшему. Благодаря усилию можно улучшить эго, сделать его более гладким, более кристаллизованным; но никакое усилие не может дать вам того, что вне пределов всяких усилий, – нирвану, Бога.

Когда все усилия прекратятся... все, что будет найдено в этом молчании, в этом красивом ничто, в этой пустоте, – Бог.

Что же делать? Естественно, возникает вопрос: что же для этого нужно? Понимание, больше осознанности, больше свидетельствования. Наблюдайте себя в движении, жизни, бытии. Старайтесь понять каждое из проходящих мгновений. Станьте свидетелем.

Помните: свидетельствование не подразумевает суждения. Не нужно судить, что хорошо и что плохо. Как только вы начинаете судить, вы теряете свидетельствование. Если вы говорите: это плохо, – вы уже отождествились. Если вы говорите: это хорошо, – вы уже выскользнули из свидетельствования, вы стали судьей.

Свидетель есть просто свидетель. Вы просто наблюдаете, как наблюдают за движением на дороге; или однажды ложитесь на землю и наблюдаете облака в небе. Вы не говорите: это хорошо, а это плохо – вы не судите. Вы просто наблюдаете. Вас не интересует, что хорошо, что плохо. Вы не стараетесь быть моралистом, не ищете подтверждения никаким концепциям... чистое свидетельствование. И из него рождается все большее и большее понимание; постепенно вы начинаете чувствовать, что обычная жизнь – единственная; другой жизни нет.

Быть обычным – единственный способ быть религиозным. Все необычное порождается галлюцинациями эго.

Обыкновенность – самое необыкновенное явление в мире, потому что каждому хочется быть необыкновенным. Никто не хочет быть обычным. Быть обычным – единственная необычность. Очень редко человек расслабляется и становится обычным. Если спросить мастеров дзэн: «Что вы делаете?» – они скажут: «Мы рубим дрова, носим воду из колодца. Мы едим, когда голодны, пьем, когда хочется пить, и ложимся спать, когда устаем. Вот и все».

Кажется, нет ничего привлекательного в том, чтобы рубить дрова, носить воду, спать, сидеть, есть. Вы скажете: «Это обычные дела, их делает каждый».

Это не обычные дела, и никто их не делает. Когда вы ходите за дровами, вы относитесь к этому негативно – вы предпочли бы, например, стать президентом. Вы не хотите быть дрово-секом. Вы всегда осуждаете настоящее в пользу некоего воображаемого будущего.

Нося воду из колодца, вы чувствуете, что напрасно тратите свою жизнь. Вы злитесь. Вы не созданы для таких обычных вещей, вы предназначены для чего-то великого – привести весь мир к раю, утопии.

Все это галлюцинации эго, состояния ума.

Просто быть обычным... и тогда то, что называют мелочами, больше не мелочи, то, что называют мирским, перестает быть мирским. Все становится священным. Рубить дрова – священнодействие. Носить воду из колодца – священнодействие.

И если каждое действие становится священным, если каждое действие становится медитативным и молитвенным – только тогда вы идете в глубь жизни, и она открывает вам все тайны. Тогда вы становитесь способны воспринимать. Тогда вы становитесь восприимчивым. Чем более вы восприимчивы, тем более доступна жизнь.

Вот все мое учение – быть обычным... настолько, чтобы само желание быть необычным исчезло. Лишь тогда можно оставаться в настоящем; иначе это невозможно.

Монтень написал: «Мы ищем иных обстоятельств, потому что не умеем наслаждаться теми, что нам даны, и уходим от самих себя, желая знать, что у нас внутри. Нет пользы в том, чтобы становиться на ходули, потому что даже на ходулях нам придется ходить на собственных ногах; и даже сидя на самом величественном троне, мы все равно сидим на собственном заду». Не имеет значения, где вы – носите воду или сидите на троне, как король, президент или премьер-министр. Где бы вы ни были, вы остаетесь собой.

Если вы несчастны, рубя дрова, то будете несчастны, и став президентом, потому что внешние обстоятельства ничего не меняют. Если вы счастливы, будучи нищим... лишь тогда вы будете счастливы, став императором; другого пути нет.

Счастье имеет нечто общее с качеством сознания. Оно никак не связано с внешними обстоятельствами.

Пока вы не пробудитесь, все будет делать вас еще более и более несчастным. Стоит только пробудиться, как все начинает приносить невероятное счастье, невероятное благословение. Ни от чего другого это не зависит – все зависит только от глубины вашего существа, вашей восприимчивости.

Рубите дрова; и, рубя дрова, просто рубите дрова – и наслаждайтесь красотой. Не думайте ни о чем другом. Не сравнивайте. Это мгновение потрясающе красиво. Это мгновение может стать *сатори*. Этот момент может стать моментом *самадхи*.

Черпая воду из колодца, будьте настолько тотальны, чтобы не оставалось ничего внешнего. Вы черпаете воду, но вас нет – есть только процесс черпания воды. Это и есть нирвана, просветление.

Я говорю с вами. Меня нет... только удовольствие поболтать, пошутить с вами.

Если нет и вас, все прекрасно сходится. Если же, слушая меня, вы подсматриваете откуда-то из-за угла... выжидая: не скажет ли он чего-нибудь ценного, нельзя ли припрятать что-нибудь про запас, отложить на будущее?... Не скажет ли он чего-нибудь важного, что пополнит мои познания?... – «Мы сможем что-то найти, кем-то стать», – тогда вы ничего не поняли.

Я не говорю ничего важного. Я ничего не говорю с какими-то далеко идущими целями. Я не даю вам знаний. Я здесь не для того, чтобы сделать вас более знающими.

Если вы можете слушать меня так же, как я говорю... этот момент объемлет все, вы не стремитесь из него никуда, будущее исчезло... тогда вы получите проблеск сатори. Помните – когда мы здесь что-то делаем... Пусть эта деятельность будет настолько молитвенной, медитативной, чтобы прошлое ничего не отягощало и будущее ничего не загрязняло, чтобы этот момент оставался чистым. Пусть сейчас просто остается сейчас.

Тогда нет меня, и нет вас. Тогда толпа исчезает, и мы становимся волнами одного океана. Этот океан – жизнь, этот океан – Бог, этот океан – нирвана.

Нирвана означает такое глубокое расслабление вашего существа, что вы в этом расслаблении исчезаете. В напряжении вы есть; в расслаблении вас нет. Это может существовать только в напряжении. Если вы расслаблены – Бог есть, вас нет.

А теперь история, совсем простая история. Все дзэнские истории очень просты. Если вы их понимаете – они что-то показывают. Если не понимаете – ничего не говорят.

Чтобы передать свое послание, все великие мастера мира пользовались притчами, потому что притча создает образ. Она не концептуальна, она адресована сердцу. Она скорее показывает, чем говорит. Не нужно думать над ней умом – в ней все абсолютно ясно.

Музо, национальный учитель, один из самых прославленных мастеров своего времени, в сопровождении ученика покинул столицу, направляясь в далекую провинцию.

У реки Тенрю им пришлось ждать целый час, прежде чем они смогли взойти на паром.

Когда они уже отплывали от берега, какой-то пьяный самурай вскочил на переполненный паром, едва не потопив его.

Пока маленькая лодка пересекала реку, он шатался, отчего лодка угрожающе раскачивалась.

Пьяный самурай... Возможно, он не был пьян в обычном смысле, но метафизически самурай всегда пьян. Человек, одержимый властью, воин, – он пьян своим эго. Возможно, он не был пьян в обычном смысле, а может, и был – дело не в этом. Все люди, одержимые властью, пьяны.

Чем больше у вас власти, тем более вы бессознательны, потому что только бессознательность может искать власти. Сознательность живет. Сознательность не интересуется властью – что в ней пользы?

Польза власти в том, что с ее помощью вы когда-нибудь сможете жить. Сначала вы приобретете власть... ее могут дать и деньги, и меч... Сначала вы подготовитесь... добьетесь власти, – а когда-нибудь потом заживете.

...какой-то пьяный самурай вскочил на переполненный паром, едва не потопив его.

Пока маленькая лодка пересекала реку, он шатался, отчего лодка угрожающе раскачивалась.

В страхе за своих пассажиров паромщик умолял его стоять спокойно.

«Мы здесь, как сельди в бочке», – грубо сказал самурай. Затем, указав на Музо, добавил: «Почему бы нам не сбросить этого бонзу?»

Бонза – это дзэнский священник, дзэнский монах.

Прекрасная история. Если бы политикам позволили, они вообще не оставили бы на земле религиозных людей. Они убили бы их, выбросили из лодки, потому что для политика религиозное сознание – единственная опасность. Чем более религиозны люди, тем более политик теряет свой блеск.

Политик гонится за властью, а религиозный человек ни за чем не гонится. Религиозный человек хочет жить здесь-сейчас, а политик всегда готовится к некоему будущему – которое никогда не приходит. Политик всегда ищет утопию, гонится за ней... за какой-нибудь мечтой. И всегда тщетно. Все политические революции закончились поражением – полным поражением, – потому что вы жертвовали всем ради будущего, жертвовали настоящим ради будущего. Но откуда взяться будущему, если разрушено настоящее? Оно рождается из настоящего.

Вы продолжаете убивать настоящее в надежде, что однажды из него родится прекрасное будущее.

Прекрасное будущее может родиться только из прекрасно прожитого настоящего.

Политики всегда против религиозных людей. Если это не так, значит, религиозные люди просто не религиозны. Значит, они тоже играют в политику – которую называют религией. Христианство, ислам, индуизм – все это политика, называемая религией.

Подлинно религиозный человек хочет жить здесь-сейчас. Он не беспокоится о будущем и не приносит в мир революцию, ибо знает: есть только одна жизнь и только одна революция, есть только одна радикальная трансформация – преобразование собственного существа.

Он хочет любить, он хочет жить, он хочет молиться, он хочет медитировать. Он хочет, чтобы его оставили в покое; никто не должен ему мешать. Он не хочет вмешиваться в чужую жизнь и не желает, чтобы вмешивались в его собственную. А вся политика строится на вмешательстве в чужую жизнь. Возможно, вы притворяетесь, что вмешиваетесь в жизнь людей для их же блага... но все равно вмешиваетесь.

Прекрасная история. Из всех людей он выбрал именно Музо: «Почему бы не выкинуть из лодки этого бонзу? Здесь слишком тесно».

«Мы здесь, как сельди в бочке», – грубо сказал самурай. Затем, указав на Музо, добавил: «Почему бы не сбросить этого бонзу?»

«Пожалуйста, потерпи, – сказал Музо, – скоро мы будем на той стороне».

В обычной ситуации мы ждали бы от Музо гнева, но он просто говорит: «Пожалуйста, потерпи. Другой берег не так уж далеко».

Очень символическая фраза. Религиозный человек терпелив, потому что видит, понимает: в жизни нет причин для нетерпения – другой берег все время становится ближе. Нет ничего, что заслуживало бы нетерпения. Терпение выгоднее, в нем больше жизни. Потерять терпение – значит упустить этот момент. Вы становитесь беспокойным.

Он говорит: «Не волнуйся, это дело нескольких минут. Не стоит сбрасывать ни меня, ни кого-то другого; не нужно конфликтов. Другой берег приближается. Скоро мы будем на той стороне».

Религиозный человек не беспокоится о пустяках. Кто-то крадет у него деньги. Он об этом не беспокоится – это неважно. Кто-то его оскорбляет – неважно.

Это важно только для людей, не живущих полнокровной жизнью. Тогда все обыденное, бесполезное, бессмысленное приобретает большую важность. Человек, переживающий свою жизнь тотально, счастлив настолько, что ни о чем не беспокоится. Происходящее на периферии никак не влияет на центр. Он остается центром циклона.

«Что?! – вскричал самурай. – Терпеть? Мне?!»

Послушай: если ты не выпрыгнешь сам, клянусь, я тебя утоплю!»

Политик – человек, ориентированный на власть, – не может быть терпеливым. Чем менее он терпелив, тем больше преуспеет в мире власти и политики. Он не может терпеть, потому что время бежит слишком быстро. Только религиозный человек терпелив, ибо он познал качество вечности. Парадоксально: религиозный человек знает, что жизнь идет к концу, но изнутри ее пронизывает жизнь, которая никогда не кончается. Парадоксально: он знает, что время движется к концу – к смерти, – но под покровом времени скрыта вечность.

Вступая в жизнь, вы вступаете в вечность. Оставаясь на поверхности, вы остаетесь во времени. Время вносит нетерпение.

Посмотрите: на Западе люди более осознают время и, безусловно, более нетерпеливы. На Востоке люди не так осознают время, естественно, они не так нетерпеливы.

Время порождает нетерпение.

Христиане нетерпеливее индуистов, потому что у индуистов есть идея реинкарнации, а у христиан ее нет. Всего одна жизнь... такая короткая – семьдесят лет, – и третья часть ее уходит на сон. Когда человек только начинает что-то понимать, полжизни уже позади, а потом

и оставшаяся часть уходит на мелочи – заработать на хлеб, построить дом, обеспечить детей, жену... Появляется нетерпение.

Как взять от жизни побольше, если времени так мало? Единственный путь, найденный Западом, – это постоянно увеличивать скорость; единственный путь. Если обычно на дорогу уходит день, нужно проехать ее за пять минут, чтобы сэкономить время. Повышенное стремление к скорости – признак нетерпения. Вы можете сэкономить время, но потом сами не знаете, что с ним делать. Вы тратите его на то, чтобы сэкономить еще больше времени... и так далее, и так далее.

Нетерпение делает жизнь лихорадочной. Лучше расслабиться – как только вы расслабляетесь, время исчезает, и вечность открывает вам свою природу.

«Что?! – вскричал самурай. – Терпеть? Мне?!»

Послушай: если ты не выпрыгнешь сам, клянусь, я тебя утоплю!»

Политик не может быть терпеливым. Невозможно представить Ленина или Гитлера медитирующими. Это было бы пустой тратой времени.

Когда люди Запада приходят ко мне и начинают медитировать, это настоящее чудо. Это противоречит всему воспитанию, которое вы получили. Когда вы вернетесь, никто не поймет, что с вами случилось... «Пустая трата времени – а время не терпит. Времени и так мало. Жизнь коротка, а нужно исполнить столько желаний. Зачем ее тратить, сидя с закрытыми глазами и наблюдая пупок? Делайте что-нибудь, пока жизнь не ушла». Живя на поверхности, вы останетесь нетерпеливыми. Войдя в поток глубже, вы почувствуете, что эта жизнь – не все, и периферия – не целое. Волны принадлежат океану, но сам океан – не только волны; за волнами времени скрыт океан вечности.

Религиозный человек может быть терпеливым, бесконечно терпеливым, ибо знает: ничто не начинается, и ничто не кончается.

Спокойствие мастера привело самурая в такое бешенство, что он ударил Музо железным веером, в кровь разбив ему голову.

Если бы мастер разгневался, самурай понял бы этот язык – его собственный язык, – но, поскольку мастер молчал... не просто молчал, а оставался абсолютно спокойным... это привело его в бешенство.

Если кто-то вас оскорбляет, и вы молчите, как будто ничего не случилось, этот человек разозлится еще больше, придет в еще большую ярость. Если бы вы разгневались, это было бы ему понятно; но молчания он понять не может. На самом деле, в вашем молчании он чувствует ужасное оскорбление. В своем молчании вы становитесь неприступной башней, недосягаемой высотой. Ваше молчание превращает его в червя, ничтожество. Это больно ранит.

Иисус сказал: «Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую».

Комментируя это, Ницше говорит: «Никогда так не поступайте, потому что это еще больше оскорбит другого человека. Лучше ударьте его посильнее. В этом больше уважения. По крайней мере, вы признаете его равным».

И Ницше тоже прав. Он видит глубоко.

Религиозный человек... Одно его присутствие приводит политика в ярость. А когда его оскорбляют, и он принимает это так спокойно, словно ничего не случилось, – это может свести другого человека с ума.

Именно поэтому распяли Иисуса. Священники, политики, опьяненные властью люди – они не могли вынести этого простого и смиренного человека. Он не сделал им ничего плохого. Он учил совершенно безвредным вещам. Он учил людей быть невинными, как дети. Он учил: «Блаженны кроткие». Но они пришли в ярость и были вынуждены его убить, потому что само

его присутствие стало для них слишком унижительным. Такая высота, кульминация, вершина любви, сострадания, смирения была для них нестерпима.

Ученик Музо больше не мог этого выносить и, будучи человеком сильным и благородным, пожелал вызвать самурая на поединок.

«Я не могу допустить, чтобы после этого он оставался в живых», – сказал он.

Ученик есть ученик. Он еще не понял. Он по-прежнему остается в эго. Возможно, он стал религиозным, но эго осталось прежним.

Если кто-то говорит обо мне плохо, вы чувствуете гнев. Ваше эго привязано ко мне. Если кто-то говорит: «Это пустой человек», – вы начинаете злиться. Не потому, что очень заботитесь об «этом человеке», но потому, что, если «этот человек» пустой, а вы его последователь, вы сами – еще хуже. Это вас задевает. Если вы – мой последователь, я должен быть величайшим мастером в мире. Вы мой последователь; разве можно допустить, чтобы я не был величайшим в мире мастером?

Помните, это снова игра эго. Вы постараетесь доказать: «Мой мастер – величайший в мире». Вопрос не в мастере. Как вы можете быть последователем не самого великого мастера? Вы – последователь не самого великого мастера? Это невозможно.

«Я не могу допустить, – сказал ученик, – чтобы после этого он оставался в живых»...

«Стоит ли волноваться из-за такого пустяка? – с улыбкой сказал Музо. – Только в такие моменты и может проявить себя бонза. Помни: терпение – больше, чем просто слово».

Это такой важный опыт – момент, чтобы быть терпеливым и этому радоваться. Другой человек создал прекрасную возможность проявить терпение. Будь ему благодарен. Он бросил вызов. Но пусть этот вызов примет не твое эго; пусть его примет твое терпение. Ситуация одна и та же; или ты воспользуешься ею, или она – тобой.

Если она воспользуется тобой, ты – несознательный человек. Тогда ты реагируешь. Всякая реакция бессознательна.

Если ты сознателен, ты никогда не реагируешь. Ты действуешь. Действие сознательно, реакция бессознательна.

Реакция означает, что другой человек стал хозяином положения – он нажал на кнопку, и ты разозлился. Ты стал марионеткой в его руках. Но если ты терпелив, если ты улыбаешься, то внезапно вырываешься из замкнутого круга бессознательности.

Учитесь пользоваться ситуациями, и вы увидите, что даже враги оказываются друзьями, и даже из самых темных ночей рождаются прекрасные рассветы. И когда на вас обрушиваются гнев, вы увидите, как у вас внутри рождается сострадание. Это редчайшие моменты. И вы будете благодарны и признательны человеку, создавшему такую ситуацию.

«Стоит ли волноваться из-за такого пустяка?»

Только в такие моменты и может проявить себя бонза.

Помни: терпение – больше, чем просто слово».

Терпение – великий опыт, великий экзистенциальный опыт.

И он прочел сочиненное экспромтом стихотворение-вака:

«Нанесший удар, принявший удар —

Лишь игроки в игре,

Эфемерной, как сон».

В этом вся суть свидетельствования.

Если вы можете стать свидетелем ситуации, внезапно вы из нее выходите, перестаете в ней участвовать. Потеряв свидетельствование, вы остаетесь ее участником даже во сне.

Например, вы идете в кино и смотрите фильм. Вы просто зритель; но в какой-то момент вы совершенно об этом забываете и становитесь участником фильма. Вы улыбаетесь, плачете, вы злитесь, волнуетесь – а на экране нет ничего, кроме движущихся теней. Но вы потеряли свидетельство, почти отождествились. Теперь вы из зрителя превратились в действующее лицо. Даже тени на экране стали реальностью.

Бывает прямо противоположное – вы стоите у дороги и просто смотрите на прохожих, и внезапно видите, что реальные люди стали эфемерными, превратились в тени на экране.

Все зависит от вас. Если вы отождествлены, нереальное становится реальным. Если вы не отождествлены, даже реальное становится нереальным.

Для человека, узнавшего, что такое свидетельство, вся жизнь – не более чем долгий сон, длинный спектакль.

*«Нанесший удар, принявший удар —
Лишь игроки в игре,
Эфемерной, как сон».*

Это одно из величайших прозрений, достигнутых Востоком: та жизнь, которую вы считаете жизнью, – эфемерная иллюзия, *майя*. Она не реальна.

Есть другая жизнь. В осознанности вы вступаете в храм реальности. Бессознательность позволяет вам жить только во сне.

*И когда лодка причалила к берегу,
и Музо с учеником сошли на землю,
самурай подбежал к мастеру и простерся у его ног.
В то мгновение он стал учеником.*

Если вы сохраняете молчание в ситуации, которая обычно требует гнева; если вы остаетесь терпеливым, когда другой человек ожидает протеста и нетерпения... сначала он придет в ярость: его оскорбили, унизили. Ему захочется отомстить – вы снисходите до него, а себя возводите в боги.

Но если вы, не поддаваясь соблазну, сохраняете молчание и спокойствие, остаетесь центрированным и укорененным в своем существе, – рано или поздно другой человек расслабится. Молчание – огромная сила, молчание – трансформирующая сила, молчание – алхимия... единственная магия в мире... тот человек неизбежно преобразится.

Обождите немного. Не спешите. Ему понадобится немного времени. Дайте ему шанс.
Самурай подбежал к мастеру и упал к его ногам.
В то мгновение он стал учеником.

Когда вы сталкиваетесь с чем-то подобным: настоящим терпением, настоящим, подлинным молчанием, – что-то касается вашего сердца. В глубине вы уже не прежний человек. Словно луч света, нечто реальное проникает в вашу тьму.

Мир трансформируют люди, живущие так, словно этот мир – только сон... Те, кто живет безмятежно, безразлично к мелочам, способны преображать других... те, кто живет жизнью внутреннего центрирования; кто живет в мире, но не позволяет миру войти в себя; кто живет в мире, но в ком не живет мир; кто остается незатронутым, кто всегда сохраняет свое молчание, даже на рынке не покидая своего внутреннего храма... ничто не уводит их от собственного существа.

Эти люди становятся катализаторами. Они вносят в человеческое сознание совершенно новое качество. Будда, Иисус, Кришна, Мухаммед – они вносят новый мир в тот мир, который мы знаем.

Вот в чем значение индийского слова «аватар»: такие люди приносят в мир Бога; в них Бог нисходит на землю. Видение... они становятся окнами, через которые вы можете увидеть проблеск запредельного.

Одним из самых влиятельных писателей и мыслителей Запада был Олдос Хаксли. Ему была чрезвычайно созвучна восточная идея внутреннего центрирования. Он был одним из немногих западных умов, глубоко проникших в восточное мировоззрение. Говорят, когда пожар в Калифорнии уничтожил все собранное им в жизни, Олдос Хаксли не почувствовал ничего, кроме неожиданной свободы. «Я чувствую себя чистым», – сказал он.

У него была прекрасная коллекция антиквариата, редких книг, редких картин – труд всей его жизни, – и все это сгорело в огне. Глядя на это пламя, он сам не мог поверить, что чувствует только облегчение, свободу. Никакого сожаления; напротив, ощущение свободы – словно огонь был его другом. Позже он сказал: «Я чувствую себя чистым». Это восточный подход.

Если вы центрированы, ничто не может быть разрушено. Вашу центрированность не может разрушить никакой огонь. Вас не может потревожить даже смерть.

А такая центрированность возможна, только если вы начинаете медитативно, абсолютно бдительно, осознанно переживать каждое мгновение. Не живите, как автомат. Не реагируйте, как механизм. Станьте сознательными. Пусть ваше сознание становится все более кристаллизованным, чтобы оно постоянно наполняло светом ваше внутреннее бытие, чтобы его пламя горело непрерывно и озаряло ваш путь, чтобы оно светило вам, куда бы вы ни шли.

Внутри вас горит это пламя; в вас есть этот свет – в семени, в потенциале. Когда вы начинаете его использовать, семя прорастает. Вскоре вы видите – пришла весна, оно расцвело, и вы наполнились ароматом неведомого и непознаваемого... Вы преисполнились божественного.

Достаточно на сегодня.

Глава 3

Незнание всего ближе

Как бесцельное паломничество дзэнского мастера Хогэна привело его домой

О замечательном разуме невинности

* * *

Восходя на высокий помост, Догэн Дзэндзи сказал: «Дзэнский мастер Хогэн учился у Кейшина Дзэндзи. Однажды Кейшин Дзэндзи спросил его: „Джоша, куда ты идешь?“ Хогэн сказал: „В паломничество без цели“. Кейшин спросил: „В чем смысл твоего паломничества?“ Хогэн ответил: „Не знаю“. Кейшин сказал: „Незнание всего ближе“. Хогэн внезапно достиг великого просветления».

* * *

Дзэн есть дзэн. С ним ничто не сравнится. Он уникален – уникален в том смысле, что это самое обычное и одновременно самое необычное явление из всех случившихся в человеческом сознании. Он в высшей степени обычен, так как не верит в знание, не верит в ум. Это не философия и не религия, но приятие обычного существования всем сердцем, всем существом, без всякого желанья иного мира – неземного, сверхъестественного. Его нисколько не интересует эзотерическая чепуха; его не интересует никакая метафизика. Он не стремится на другой берег – этого более чем достаточно. Он принимает этот берег во всей его полноте – настолько полно, что «этот берег» преобразуется и становится «другим» { Кавычки переводчика. }:

Это тело – будда;

Эта земля – лotosовый рай.

Итак, дзэн обычен. От вас не требуется выработать в себе особой духовности, святости. Переживать свою жизнь непосредственно, спонтанно – вот все, о чем вас просят. И тогда обыденное становится священным.

Великое чудо дзэн в том, что обыденное он превращает в священное. Это совершенно необычно – никогда раньше к жизни *так* не относились, никогда раньше жизнь *так* не почитали.

Дзэн идет дальше и Будды, и Лао-цзы. Это слияние, высочайший пик индийского и китайского гениев, – и их трансценденция. Индийский достиг кульминации в Гаутаме Будде, китайский – в Лао-цзы. И встреча... сущность учения Будды и сущность учения Лао-цзы сливаются в один поток, и так глубоко, что разделить их уже невозможно. Невозможно даже различить, что принадлежит Будде, а что – Лао-цзы, так полно было это слияние. Это не просто синтез, это интеграция. Из этой встречи родился дзэн. Дзэн – ни буддизм, ни даосизм; и все же он одновременно то и другое.

Называть его «дзэн-буддизмом» неверно, потому что дзэн гораздо больше. Будда не так близок к земле, как дзэн. Лао-цзы очень близок к земле, но дзэн больше чем земное явление. Видение дзэн превращает землю в небеса. В дзэн встретились земной Лао-цзы и неземной Будда, слились земля и небо, поэтому он и стал самым необычным явлением в истории сознания.

Будущее человечества связано с дзэн, потому что только такое мировоззрение – земное и вместе с тем неземное – может сделать возможной встречу Запада и Востока. Запад очень земной, Восток очень неземной. Кто их соединит? Будда не может быть мостом; он по своему существу «восточен» { Кавычки переводчика. } – аромат Востока, благоухание Востока, он не идет на компромиссы. Лао-цзы тоже не может быть мостом – он слишком земной. Китай всегда был очень земным. Китай по духу ближе к Западу, чем к Востоку.

Не случайно Китай первым на Востоке стал коммунистической, материалистической страной, принял философию без Бога, стал верить, что человек состоит из одной материи. Это не случайность. Почти пять тысяч лет Китай был очень земным, по-западному земным. И Лао-цзы не может быть мостом – он ближе к греку Зорбе. Будда такой неземной, почти непостижимый – как может он быть мостом?

Если осмотреться, единственной возможностью кажется дзэн. В нем соединились Будда и Лао-цзы. Встреча уже произошла. Это семя того великого моста, который может объединить Восток и Запад. Дзэн станет местом встречи. У него великое будущее – великое прошлое и великое будущее.

И чудо в том, что дзэн не заинтересован ни в прошлом, ни в будущем. Его интересует только настоящее. Может быть, это чудо потому и возможно, что настоящее соединяет прошлое с будущим.

Настоящее не принадлежит времени. Вы когда-нибудь думали, сколько длится настоящее? У прошлого есть протяженность, у будущего есть протяженность. Какова продолжительность настоящего? Сколько оно длится? Как между прошлым и будущим измерить настоящее? Оно неизмеримо, его почти нет. Это вообще не время – это вторжение вечности во время.

Дзэн живет в настоящем. Вся суть его учения в том, как научиться быть в настоящем, как выйти из прошлого, которого больше нет, и не вовлекаться в будущее, которого еще нет, – и укорениться, центрироваться в том, что есть.

Суть дзэн – в незамедлительности, безотлагательности, поэтому он может соединить прошлое и будущее. Он может соединить многое: прошлое и будущее, Восток и Запад, тело и душу. Он может соединить несоединимые миры: этот мир и мир иной, обыденное – мирское – и священное.

Прежде чем перейти к этой короткой истории, хорошо бы понять несколько вещей. Первое: мастера не высказывают истину. Они не смогли бы этого сделать, даже если бы хотели, это невозможно. Тогда в чем их функция? Чем они занимаются? Они не могут высказать истину, но могут вызвать к жизни истину, крепко спящую внутри вас, ее спровоцировать, бросить ей вызов. Они могут вас встряхнуть, разбудить. Дать вам Бога, истину, нирвану они не могут – прежде всего потому, что все это у вас уже есть от рождения. Все это врожденное, внутренне вам присущее, сама ваша природа. Так что всякий человек, который притворяется, будто дает вам истину, просто играет на вашей глупости, легковерии. Он хитер и, вдобавок, абсолютно невежествен. Он ничего не знает, он не испытал даже проблеска истины. Он – мнимый мастер.

Истину нельзя дать – она уже внутри вас. Ее можно вызвать к жизни, спровоцировать. Можно создать ситуацию, определенное пространство, в котором она оживает у вас внутри, – и больше не спит, просыпается.

Функция мастера гораздо сложнее, чем вы думаете. Было бы гораздо легче, проще, если бы истину можно было передать. Передать ее невозможно, поэтому приходится изобретать окольные пути и методы.

В Новом Завете есть красивая история о Лазаре. Христиане совсем не поняли ее смысла. Христу вообще очень не повезло – он попал в неподходящую компанию. Ни один христианский богослов не смог понять смысла истории о Лазаре, о его смерти и воскресении.

Лазарь умирает. Он – брат Марии Магдалины и Марфы и предан Иисусу всем сердцем. Иисус далеко, и, когда он получает известие – «Поспеши!» – прошло уже два дня; к тому времени, как он пришел к Лазарю, прошло уже четыре. Но Мария и Марфа ждут – так велико их доверие. Над их глупостью смеется вся деревня – они держат труп в пещере, охраняя его днем и ночью. Труп начал уже разлагаться, от него шел смрад.

Жители деревни говорят: «Глупые! Иисус ничего не сделает. Когда человек мертв, он мертв!»

Приходит Иисус. Он идет к пещере, но не входит в нее. Он стоит снаружи и зовет Лазаря. Собрались люди. Они, наверное, смеются: «Кажется, этот человек – сумасшедший!»

Кто-то ему говорит: «Что ты делаешь? Он мертв! Уже четыре дня, как он умер. В пещеру не войти – такой смрад от тела. Это невозможно! Кого ты зовешь?»

Но Иисус остается невозмутимым – он еще и еще раз кричит: «Лазарь, выходи!»

И толпу ждет полная неожиданность: Лазарь выходит из пещеры – дрожащий, потрясенный, словно очнулся от глубокого сна, как будто он в коме. Он сам не понимает, что происходит – как он оказался в пещере?

В действительности, это просто способ объяснить, в чем состоит функция мастера. Был ли Лазарь действительно мертв или нет – неважно. Действительно ли Иисусу удалось воскресить мертвого или нет – неважно. Задаваться этими дурацкими вопросами нелепо. Только ученые богословы достаточно глупы для таких занятий. Ни один человек понимания не станет думать, что это исторический факт. Гораздо больше! Это не факт, это истина. Не что-то происходящее во времени – больше: нечто происходящее в вечности.

Все вы мертвы. Все вы находитесь в положении Лазаря. Все вы живете в своих темных пещерах в смраде и разложении... потому что смерть не приходит однажды, внезапно – вы умираете каждый день. Вы умираете с того самого дня, как родились. Это длительный процесс; на его завершение уходит семьдесят, восемьдесят, девяносто лет. *Каждый миг* какая-то ваша часть, что-то в вас умирает, но вы абсолютно не осознаете происходящего. Вы живете так, словно вы живы; вы продолжаете жить так, словно знаете, что такое жизнь.

Функция мастера – позвать: «Лазарь, выйди из пещеры! Выйди из своей могилы! Выйди из своей смерти!»

Мастер не может дать вам истины, но может вызвать ее к жизни. Он может расшевелить что-то у вас внутри, запустить процесс, который разожжет огонь, пламя. Вы есть истина, – просто вокруг скопилось слишком много пыли. Функция мастера негативна – он должен окутать вас в воду, окатить чистой струей, чтобы смыть пыль.

В этом истинный смысл христианского крещения. Именно это делал Иоанн Креститель на реке Иордан... Но люди все понимают неверно. Сегодня в церквях тоже совершается крещение. Оно бессмысленно.

Иоанн Креститель готовил людей к внутреннему омовению. Когда они были готовы, он символически погружал их в реку Иордан. Это просто символ; омовение в Иордане было символическим – так же, как символическа ваша оранжевая одежда: это символ того, что вас омывает мастер. Он может смыть с вас пыль веков. И внезапно – все чисто, прозрачно. Эта прозрачность и есть просветление.

Великий мастер Дайи говорит: «Учения мудрецов, святых, мастеров ничего не разъясняют – все они комментируют ваш внезапный крик: „Ах, *Это!*“»

Когда внезапно вы чисты, и в вас рождается великая радость, и все ваше существо, все фибры вашего тела, ума и души танцуют, и вы говорите: «Ах, *Это!* Аллилуйя!», и внутри вашего существа рождается крик радости – это просветление. Внезапно звезды сходят с орбит. Вы становитесь участником вечного танца существования.

Оден говорит:

Танцуй, пока звезды не сойдут с орбит!

Танцуй, танцуй, танцуй до упаду!

Да, это случается – это не что-то такое, что вы должны делать. Это нечто такое... даже если вы не хотите, вы обнаружите, что противиться невозможно, что устоять невозможно. Вы не сможете не танцевать.

Красота *этого*, красота *сейчас*, радость существования, его близости... Да, звезды сходят с орбит. Они так близко, что их можно коснуться, взять в руки.

Дайи прав. Он говорит:

Учения мудрецов, святых, мастеров ничего не разъясняют – все они комментируют ваши внезапный крик: «Ах, Это!»

Словно все сердце говорит: «Ага!» И какое за этим следует молчание, и мир, и радость, и встреча, и слияние, и оргазмический опыт, экстаз!..

Мастера не учат истине – нет способа ей научить. Она передается за пределами писаний, за пределами слов. Это передача. Энергия, провоцирующая энергию в вас. Один из видов синхронизации.

Мастер исчез как эго, он – чистая радость. А ученик сидит рядом с мастером, постепенно разделяя его радость, его существо; он ест и пьет от этого вечного, неистощимого источника – *эс дхаммо санантано*. И однажды... нельзя предугадать, когда придет этот день, – это непредсказуемо. Однажды это внезапно случается: процесс, начавшийся внутри вас, открывает вам истину вашего бытия. Лицом к лицу вы сталкиваетесь с самим собой. Бог не где-то «там» – он сейчас, здесь.

Мастера освещают путь и подтверждают реализацию. Тысячей и одним способом они указывают на истину, – пальцы, указывающие на луну. Но многие глупцы начинают цепляться за пальцы. Цепляясь за пальцы, вы не увидите луну, помните. Есть еще большие глупцы, которые начинают кусать эти пальцы. Это вас не насытит. Забудьте о пальце и смотрите, на что он указывает.

Мастера светят. Они изливают яркий свет – они и есть свет, – освещая ваше существо, как прожектор. Они направляют луч своего существа в ваше. Многие века, миллионы жизней вы прожили в темноте. Внезапно прожектор мастера начинает открывать забытые территории. Они находятся внутри вас, мастер их не создает – он просто направляет свой свет, фокусирует его в вас. Но мастер может это сделать, только если ученик открыт, когда ученик сдался, когда он готов учиться, не споря; когда он приходит не за знаниями, а за истиной; когда ученик не просто любопытен, но стал искателем и готов рискнуть всем. Даже если нужно рискнуть и пожертвовать жизнью, ученик готов. В действительности, рискуя своей сонной жизнью, принося ее в жертву, вы обретаете совершенно другое качество – жизнь света, жизнь любви, жизнь, неподвластную смерти, неподвластную времени, неподвластную переменам.

Мастера несут свет; они подтверждают реализацию. Сначала мастер освещает путь, истину, которая внутри вас. И еще одно: когда вы ее осознаете, когда вы ее узнаете... Очень трудно поверить, что вы уже обрели. Когда с вами случается осознание истины, поверить в это совершенно невозможно, – ведь вам говорили, что это трудно, почти недостижимо, и чтобы к нему прийти, нужны миллионы жизней. Вам говорили, что истина где-то далеко – быть может, на небесах, – и когда вы осознаете ее внутри себя, можно ли в это поверить?

Мастер подтверждает. Он говорит: «Да, вот она!» Его подтверждение так же необходимо, как его свет. Он начинается светом и заканчивается подтверждением. Мастера – свидетельство истины, не ее доказательство.

Медитируйте на это тонкое различие между свидетельством и доказательством. Мастер свидетельствует истину; он – свидетель. Он видел, он познал, он стал. Вы можете это почувствовать, свидетельство можно почувствовать. Вы можете подходить все ближе и ближе, поз-

волить аромату мастера проникнуть в сокровенное ядро вашего существа. Мастер – только свидетельство, но не доказательство. Если вам нужны доказательства... доказательств нет.

Бога нельзя доказать и нельзя опровергнуть логически. Бог не гипотеза, не теория – это опыт. Мастер – живое свидетельство. Но, чтобы его увидеть, понадобится другой подход, не тот, к которому вы привыкли.

Вы знаете, как относиться к учителю, профессору, священнику. Они не много требуют, потому что просто сообщают информацию, – что может сделать любой магнитофон, компьютер, пластинка или книга.

Когда я был студентом университета, я никогда не посещал занятий своих профессоров. Естественно, они обижались. И однажды декан факультета вызвал меня и сказал: «Зачем ты поступил в университет? Мы тебя не видим, на занятия ты не ходишь. Запомни: когда придет время экзамена, не проси справку о посещаемости – потому что для экзамена требуется семьдесят пять процентов посещаемости».

Я взял старика за руку и сказал: «Пойдемте со мной – я покажу вам, где я бываю и зачем поступил в университет».

Он немного испугался – куда и зачем я его веду? Все знали, что я немного эксцентричен! Он спросил: «Куда ты меня ведешь?»

Я сказал: «Я докажу, что мне должны выдать справку о стопроцентной посещаемости. Идемте со мной».

Мы пришли в библиотеку, и я попросил библиотекаря: «Скажите этому старику, был ли хотя бы один такой день, чтобы я не сидел в библиотеке?»

Библиотекарь сказал: «Он здесь даже в выходные. Если библиотека закрыта, этот студент сидит рядом, в саду, он все равно приходит. И нам каждый день приходится говорить: „Пожалуйста, уходи, нам пора закрываться“».

Я сказал декану: «Если вы сможете доказать, что ваши учителя учат чему-то такому, чего нет в книгах, я готов посещать занятия. Если нет, имейте в виду: вы должны дать мне справку о стопроцентной посещаемости – иначе я обещаю проблемы!»

И я не ходил просить – он сам дал мне эту справку. Он понял; это было просто. Он сказал: «Ты прав. Зачем получать знания из вторых рук? Можно обратиться прямо к книгам. Я знаю профессоров, я и сам как грампластинка. Действительно, – признался он мне, – я тридцать лет ничего не читал. Я все проигрываю старые записи».

Тридцать лет он снова, снова и снова повторял одно и то же, а за тридцать лет были изданы миллионы книг.

Вы знаете, как относиться к учителю, умеете обращаться с книгой, мертвой информацией, но не знаете, как относиться к мастеру. Это совершенно другой способ общения; это не общение, но общность, потому что мастер – не доказательство, а свидетельство. Он – не аргумент в пользу Бога, он – свидетель Бога. Он не обладает познаниями о Боге, он *знает*. Он не обладает знаниями, он просто знает.

Помните, знать «о» не стоит ничего. Предлог «о» означает «вокруг». Знать *о* чем-то означает ходить кругами, вокруг да около. Слово «о» прекрасно. Когда вы читаете «о» – читайте «около». Когда кто-то говорит: «Я знаю о Боге», – читайте: «Он знает *около* Бога, ходит вокруг да около». Истинное знание не бывает *о*, не бывает *около*, оно непосредственно, прямолинейно.

Иисус говорит: «Прям путь...» Этот путь не водит кругами – вы совершаете прыжок из периферии в центр. Мастер – свидетельство этого прыжка, квантового скачка, трансформации.

К мастеру нужно приближаться с большой любовью, с великим доверием, с открытым сердцем. Вы не осознаете, кто вы. Он осознает, кто он, и осознает, кто вы. О гусенице можно сказать, что она не осознает, что может стать бабочкой. Вы – гусеницы, *бодхисаттвы*. Все гусеницы – бодхисаттвы, и все бодхисаттвы – гусеницы. Словом «бодхисаттва» называют того, кто может стать бабочкой, Буддой, – Будду в стадии семени, в зародыше. Но как может гусе-

ница осознать возможность стать бабочкой? Только одним способом: общаться с бабочками, смотреть, как они порхают на ветру, на солнце. Видя, как высоко они кружатся, как перелетают с цветка на цветок, видя, как они красивы, как они ярки... быть может, у гусеницы появится глубокое, страстное желание: «Не могу ли и я стать такой?» В этот самый миг гусеница начинает пробуждаться – процесс начался.

Отношения мастера и ученика – это отношения между гусеницей и бабочкой, дружба гусеницы и бабочки. Бабочка не может доказать, что у гусеницы есть возможность стать бабочкой, – никаких логических доказательств нет. Но бабочка может вызвать в гусенице страстное желание – это возможно.

Мастер помогает вам прийти к собственному опыту. Он не дает вам Веды, Коран, Библию, он отбрасывает вас к самому себе. Мастер заставляет осознать внутренний источник, ваши собственные соки, вашу божественность. Он освобождает от всех суеверий, от всех умозаключений и предположений. Он освобождает от философии, религии, теологии. Коротко говоря, он освобождает вас от мира слов, потому что слово превратилось в проблему.

Вы стали до того одержимы словом «любовь», что забыли, что любовь – это опыт, а не слово. Вы стали до того одержимы словом «Бог», что забыли, что Бог – это опыт, а не слово. Слово «Бог» – не Бог, слово «огонь» – не огонь, и слово «любовь» – не любовь.

Мастер освобождает от слов, освобождает от всякого рода воображаемых философий. Он приводит вас в состояние бессловесного молчания. Несостоятельность религии и философии в том, что они подменяют собой реальный опыт. Остерегайтесь их!

Марлен и Флоренс, секретарши из Денвера, болтают за ланчем.

– Прошлой ночью меня изнасиловал философ, – шепчет Марлен.

– Что ты говоришь! – восклицает Флоренс. – Как ты узнала, что он философ?

– Мне пришлось ему помогать.

Ученые и знающие – парализованные калеки, зависшие в голове и позабывшие все на свете, кроме слов. Они великие систематизаторы. Они коллекционируют красивые теории и располагают их в красивом порядке; только этим они и занимаются. Они ничего не знают, хотя обманывают и себя, и других.

Человек зашел в ресторан пообедать и, когда к нему приблизился официант, попросил блюдо кочек.

– Простите, чего? – переспросил официант.

– Кочек, – повторил посетитель.

– Что вы сказали? – еще раз переспросил официант.

Посетитель раскрыл меню, указал желаемое и повторил твердо:

– Блюдо кочек, пожалуйста!

Очень трудно вытащить их из слов, в которых они живут. Они забыли, что в жизни есть что-то помимо слов. Они абсолютно глухи и слепы; они ничего не видят, не слышат, не чувствуют. Слова есть слова. Их нельзя увидеть, почувствовать, но они могут дать огромное эго.

Людоед прибежал в деревню с радостной новостью – охотники поймали христианского богослова.

– Какая удача, – радостно сказал один из людоедов. – В детстве я спросил папу с мамой: «Что такое христианский богослов?» Мне сказали: «Чепуха на постном масле». Что такое чепуха я не знаю, но попробовать всегда хотелось!

Если вы действительно хотите узнать, что такое истина, остерегайтесь заблудиться в дебрях философии и религии. Остерегайтесь христианства, индуизма, мусульманства, потому что все это способы оглохнуть, ослепнуть, потерять чувствительность.

Три глуховатых английских джентльмена едут на поезде в Лондон. Первый говорит:

– Простите, кондуктор, какая это станция?

– Это только полустанок, сэ, – отвечает кондуктор.

– Как, только понедельник! – изумляется второй. – Не может быть! О Боже!

– Кто это здесь не может пить? И почему позже? – возражает третий. – Идемте сейчас же в буфет и выпьем!

Так и бывает с профессорами, философами, богословами. Они не слышат, что им говорят. Они так полны собственных идей, так набиты ими – огромные залежи слов, – что реальность не может до них добраться.

Дзэн говорит: если вы можете отбросить философствование, у вас есть надежда. Стоит только отбросить философствование, и вы становитесь невинным, как ребенок. И запомните: дзэн подчеркивает незнание, но это не означает, что он делает акцент на невежестве. Незнание не равняется невежеству; незнание – это состояние невинности. Нет ни знаний, ни невежества – и то и другое осталось позади.

Невежественный человек – это человек, который игнорирует { Англ. *ignorant* – невежественный. – *Примеч. перев.* }; отсюда и пошло это слово. Корень один и тот же. Невежественный человек – тот, кто продолжает игнорировать нечто сущностное. В этом смысле знающий, информированный человек более всех невежественен, потому что знает о рае и аде, ничего не зная о себе. Он знает о Боге, но не знает ничего о том, кто он такой, что такое его внутреннее сознание. Он невежественен потому, что игнорирует *самое* важное в жизни – себя. Он все время занят несущественным. Он невежественен – набит знаниями, но совершенно невежественен.

Незнание просто означает состояние не-ума. Ум может быть и знающим, и невежественным. Если вы мало информированы, вас сочтут невежественным; если информации у вас больше, вас сочтут знающим. Разница между невежеством и знанием – в количестве, в степени. Невежественный человек знает меньше, вот и все; знающий человек может казаться миру не таким невежественным, но они не отличаются друг от друга, их качество одинаково.

Дзэн делает особый акцент на состоянии незнания. Незнание – это ни невежество, ни знание. Это не знание, потому что вы не заинтересованы в чистой информации, и не невежество, потому что вы не игнорируете самый существенный вопрос. Вы не игнорируете собственное существо, собственное сознание.

В незнании есть своя красота, чистота. Оно совсем как чистое зеркало, как озеро – абсолютно тихое, отражающее звезды и деревья на берегу. Состояние незнания – высочайшая точка в эволюции человека.

Знания приобретаются умом после физического рождения. Истинное знание присутствует всегда – подобно тому, как сердце умеет биться, семя знает, как пустить росток, цветок умеет расти, а рыба – плавать. И оно коренным образом отличается от знания о чем-то. Так что, пожалуйста, умеете отличать истинное знание от эрудиции.

Состояние незнания, по сути, и есть состояние истинного знания. Когда полностью исчезают и знания, и невежество, вы можете отражать существование таким, каково оно есть. Знания приобретаются после рождения, но истинное знание приходит вместе с вами. И по мере того, как вы приобретаете все больше знаний, истинное знание становится все меньше и меньше – оно заслоняется покровом знаний. Истинное знание в точности подобно зеркалу, знания – пыли на этом зеркале.

Сейчас – само сердце истинного знания. Знания всегда исходят из прошлого. Знания принадлежат памяти – вы узнали, испытали что-то и накопили опыт. Истинное знание приходит из настоящего. Но можно ли быть в настоящем, если слишком цепляться за знания? Невозможно; придется перестать цепляться. Кроме того, знания – нечто приобретенное; истинное же знание – ваша природа. Истинное знание всегда сейчас: сейчас – сердце истинного знания. А сердце сейчас?..

Английское слово «сейчас», *now*, очень красиво. Его сердце – буква «О» – символизирует также ноль. Сердце сейчас – ноль, ничто. Когда ума больше нет, когда вы просто ничто, ноль –

Будда называет это именно так: *шунья*, ноль, – тогда все, что вас окружает, *все*, что есть внутри и снаружи, познано. Но это не мертвое знание; вы знаете совсем по-другому – знаете так, как цветок знает, как распускаться, как рыба знает, как ей плавать, и ребенок в материнской утробе знает, как ему расти. Вы знаете, как дышать, – вы продолжаете дышать даже во сне, даже в коме, – а сердце знает, как ему биться. Это совершенно другой способ знания – сокровенный, внутренне присущий, не приобретенный, естественный, природный.

Знания приобретаются ценой потери истинного знания. Что же происходит с истинным знанием, когда вы приобретаете мнимые? Оно забывается. Получая мнимые знания, вы забываете истинное. А истинное знание – двери в божественное; знания мнимые – преграда для божественного. Знания полезны в мире обыденного. Да, они сделают вас более эффективными, умелыми – хорошими механиками, например; вы сможете больше зарабатывать. Все это так, я не отрицаю. Знаниями можно пользоваться; но не давайте им стать преградой для божественного. Когда знания не нужны, отложите их в сторону и придите в состояние незнания – это тоже знание, истинное знание. Информация приобретается ценой потери истинного знания – оно забывается. Его нужно только вспомнить – вы его забыли.

Задача мастера – помочь вам его *вос*-полнить. Если вы *за-были*, нужно только вам помочь, чтобы вы снова *были* и помнили, потому что истинное знание есть не что иное, как *вос*-приятие, *вос*-становление, *вос*-поминание. Когда вы сталкиваетесь с некоей истиной, когда вы встречаете мастера и видите истину его бытия, что-то внутри вас немедленно, в ту же секунду ее узнает, воспринимает, вспоминает. Вы не раздумываете, так это или нет, – чтобы думать, нужно время. Когда вы слышите истину, чувствуете ее присутствие, входите с ней в близкое соприкосновение, что-то внутри вас немедленно узнает и воспринимает ее – без всяких доказательств. Не то чтобы вы соглашались, верили – вы знаете. Но этого бы не случилось, если бы каким-то образом, глубоко внутри, вы не знали раньше.

Таково основное правило дзэн.

– Твой маленький братик уже научился говорить?

– О да, – отвечает малыш Майк. – Теперь мама с папой учат его молчать.

Общество учит вас знаниям. Столько школ, колледжей, университетов... их назначение – создавать еще больше знаний и внедрять эти знания в людей. А функция мастера прямо противоположна: мастер должен отменить то, что сделало ваше общество. Его функция по существу антисоциальна, и ничего с этим не поделаешь. Мастер вынужденно антисоциален.

Иисус, Пифагор, Будда, Лао-цзы – все они антисоциальны. Не то чтобы им этого хотелось; но, как только они познали красоту не-знания, беспредельность не-знания, невинность не-знания, как только они испытали вкус не-знания, они хотят передать это другим, поделиться с другими. А этот процесс по сути своей антисоциален.

Люди спрашивают, почему общество против меня. Не *общество* против меня – я против общества. Но мне ничего другого не остается – я должен делать свое дело. Я иду против общества уже тем, что должен поделиться случившимся со мной. Общество по самой своей структуре зиждется на знаниях, а функция мастера состоит в уничтожении и знаний, и невежества – в том, чтобы вернуть вам детство.

Иисус говорит: «Пока не будете как малые дети, не войдете в Царство Божие».

Общество, по существу, обрубают ваши корни в собственной природе, уводит из центра, делает невротичными.

Знаменитый психиатр читал курс в университете, и какой-то студент спросил его:

– Сэр, вы говорили о ненормальном человеке и его поведении. Но что вы скажете о нормальном?

– Когда мы его найдем, – ответил психиатр, – мы его вылечим.

Общество все время лечит нормальных людей. Помните, каждый ребенок рождается нормальным; потом общество его лечит, и он становится ненормальным. Он становится индуй-

стом, мусульманином, христианином, коммунистом, католиком... в мире огромное количество неврозов, доступен самый широкий выбор – можете заболеть каким пожелаете. Общество производит всевозможные неврозы: всех форм и размеров, на любой вкус.

Дзэн лечит вас от ненормальности. Он снова делает вас нормальным, обычным. Он не делает вас святым, помните. Он не делает вас праведником. Он просто делает вас обычным человеком, возвращая к своей природе, к своему источнику.

Это красивая история...

Восходя на высокий помост, Догэн Дзэнджи сказал:

«Дзэнский мастер Хогэн учился у Кейшина Дзэнджи.

Однажды Кейшин Дзэнджи спросил его: „Джоша, куда ты идешь?“

Хогэн сказал: „В паломничество без цели“.

Кейшин спросил: „В чем смысл твоего паломничества?“

Хогэн сказал: „Не знаю“.

Кейшин сказал: „Незнание всего ближе“.

Хогэн внезапно достиг великого просветления».

Медитируйте на каждое слово этой короткой истории – в ней содержатся все великие писания мира, и даже больше. В ней содержится также незнание.

Восходя на высокий помост...

Здесь символически, метафизически выражено нечто очень важное. В дзэн человека символически называют лестницей. Самая нижняя ступень лестницы – ум, а высшая – не-ум. Дзэн говорит, что только достигший не-ума человек достоин взойти на «высокий помост» и говорить с людьми, – не любой. И для этого совсем не обязательно быть священником или проповедником.

Христиане воспитывают проповедников – есть специальные богословские колледжи, где учат проповедников. Что за глупость? Да, красноречию можно научить; можно научить, как начать речь, как ее закончить. Как раз этому и учат в богословских колледжах – даже тому, какие делать жесты, когда сделать паузу, когда говорить медленнее и когда повысить голос; все вырабатывается искусственно. И эти глупцы проповедают об Иисусе, не задаваясь ни единым вопросом!

Однажды я был в богословском колледже. Мы дружили с директором, и он меня пригласил. Я спросил: «Скажи, в каком колледже учился Иисус? Нагорная проповедь так прекрасна – должно быть, он учился в каком-нибудь богословском колледже. Какой колледж закончил Будда?»

Мухаммед был совершенно необразован, но как он говорит, как поет в Коране – великолепно! Это не образование, не знания. Это приходит из состояния не-ума.

Маленький Джонни был сыном местного священника. Однажды учительница задала детям вопрос, кем они хотят стать, когда вырастут. Когда пришла очередь Джонни, он ответил: – Я хочу стать священником, как мой отец.

Его решение произвело на учительницу такое сильное впечатление, что она спросила, почему он хочет быть проповедником.

– Понимаете, – сказал он задумчиво, – раз мне все равно придется по воскресеньям ходить в церковь, я подумал, что лучше уж кричать и размахивать руками, чем всю жизнь молча сидеть на скамейке.

Можно воспитать проповедника, но нельзя воспитать мастера.

В Индии возвышение, с которого говорит мастер, называют *вьяспитха*. Вьяса был одним из величайших мастеров, когда-либо рожденных Индией, одним из древнейших будд. Он пользовался таким влиянием и авторитетом, что его именем подписаны тысячи книг, которых он

не писал. Но его имя имело такой вес, что всякий, кто хотел продать свою книгу, вместо своего имени ставил имя Вьясы. Его имя было достаточной гарантией ценности книги. Сейчас ученые ломают головы, пытаясь определить, какие книги действительно написаны Вьясой.

Возвышение, с которого говорит будда, называют *вьяспитха* – помост будды. Человеку не позволено подниматься на возвышение, если он не достиг не-ума. *Восходя на высокий помост...* Это метафора; она означает, что этот человек достиг состояния не-ума, достиг состояния незнания, которое и есть истинное знание.

...Догэн Дзэнджи сказал:

«Дзэнский мастер Хогэн учился у Кейшина Дзэнджи.

Однажды Кейшин Дзэнджи спросил его:

„Джоша, куда ты идешь?“»

В дзэн таким способом говорят: «Какова цель твоей жизни? Куда ты идешь?» Здесь есть и другой вопрос: «Откуда ты идешь? Каков источник твоей жизни?» Также предполагается: «Кто ты?» – поскольку, если вы можете ответить, откуда идете и куда, это означает, что вы, вероятно, знаете, кто вы.

Три самых важных вопроса: «Кто я? Откуда иду? И куда?»

...Кейшин Дзэнджи спросил его:

„Джоша, куда ты идешь?“

Хогэн сказал: „В паломничество без цели“».

Посмотрите, как красив этот ответ. В отношениях мастера и ученика бывают удивительно красивые моменты.

„В паломничество без цели“.

Если вы направляетесь в Каабу, это не паломничество, потому что есть цель; если вы направляетесь в Иерусалим или Каши, это не паломничество. Там, где есть цель, есть и амбиции; там, где есть амбиции, присутствует ум, желание. А с желанием никакое паломничество невозможно.

Паломничество может быть только бесцельным. Посмотрите на эту красоту! Только дзэнский мастер может оценить это, и только дзэнский ученик может сказать нечто настолько революционное.

„В паломничество без цели“.

Мастер спрашивает: «Куда ты идешь?», – и ученик отвечает: «В общем-то, никуда». Без цели, как сухой лист на ветру... Куда бы ни понес его ветер: на юг – так на юг, на север – так на север; прекрасно, потому что все божественно. Куда бы вы ни пришли, везде вы встретите божественное. Никакой цели не нужно.

Как только у вас появляется некая цель, вы становитесь напряженным; вы концентрируетесь на цели. Как только появилась цель, вы отделены от целого. У вас есть личная цель, а в личных целях коренится всякое эго. Отсутствие личной цели означает единство с целым. Оно возможно только если вы странствуете бесцельно.

Человек дзэн странствует – без цели, без намерений, без будущего. Он живет от мгновения к мгновению, без всякого ума; он отдается ветру, словно сухой лист. Он говорит ветру: «Неси меня, куда хочешь». Если ветер поднимает его высоко в небо, он не чувствует себя лучше других – тех, что лежат на земле. Если он падает на землю, он не чувствует себя хуже других – тех, что подняты ветром высоко в небо. Он не может проиграть. Он не может даже разочароваться. Как можно проиграть, если цели нет? И если вы никуда в особенности не

идете, можно ли разочароваться? К разочарованию приводят ожидания. К неудачам приводят личные амбиции.

Человек дзэн – всегда победитель, даже в поражении.

Кейшин спросил: „В чем смысл твоего паломничества?“

Он спрашивает еще раз, чтобы убедиться: быть может, Хогэн просто повторяет. Быть может, он просто прочитал в какой-нибудь древней дзэнской рукописи: «Не следует иметь цели. Когда цели нет, жизнь становится паломничеством». Поэтому мастер снова спрашивает:

„В чем смысл твоего паломничества?“

Хогэн сказал: „Не знаю“.

Если бы Хогэн просто повторял какое-то знание, заимствованное из писаний или у других людей, он ответил бы то же самое. Или как-нибудь перефразировал свой ответ. Он повторял бы, как попугай. Мастер задал тот же вопрос, но ответ изменился, полностью изменился. Ученик просто говорит: «Я не знаю».

Как можно знать, если у вас нет цели? Как можно знать, когда нет никаких намерений? Как можно *быть*, если нет цели? Эго может существовать только благодаря целям, амбициям, желаниям.

Хогэн сказал: „Не знаю“.

Он не отвечает, как попугай. Он не повторяет одно и то же. Вопрос был прежний, помните, но ответ изменился. В этом разница между образованным, эрудированным человеком и человеком истинного знания, мудрецом, действующим в состоянии незнания.

„Не знаю».

Должно быть, Кейшин был очень доволен. Он сказал:

„Незнание всего ближе“.

Знания создают расстояние между вами и реальностью. Чем больше вы знаете, тем больше расстояние – от реальности вас отделяет так много книг. Если вы вы зубрили всю Британскую Энциклопедию, расстояние между вами и реальностью огромно. Пока реальность не попытается вас отыскать в дебрях Британской Энциклопедии, или вы не попытаетесь отыскать реальность в дебрях Британской Энциклопедии, никакой встречи не будет. Чем больше вы знаете, тем больше расстояние; чем меньше вы знаете, тем оно короче. Если вы совсем ничего не знаете, никакого расстояния нет. Тогда вы стоите лицом к лицу с реальностью; даже не лицом к лицу: *вы – она сама*. Вот почему мастер говорит:

„Незнание всего ближе“.

Запомните... какая красивая сутра, изысканная, необычайно значительная:

„Незнание всего ближе“.

В тот миг, когда вы ничего не знаете, вы с реальностью становитесь близки – близки как ближайшие друзья, близки как влюбленные. Вы обнимаете реальность, реальность проникает в вас, как проникают друг в друга влюбленные. Вы таете в ней, как тает снег на солнце. Вы сливаетесь с ней воедино. Делить нечего. Знания делят на части; незнание объединяет.

Услышав эту необычайно выразительную сутру: «Незнание всего ближе»,

Хогэн внезапно достиг великого просветления.

Очевидно, он был очень близко. Когда он сказал: «Не знаю», наверное, он был уже на грани. Когда он говорил о паломничестве без цели, до черты оставался всего один шаг, а когда сказал: «Не знаю», – даже этот шаг исчез. Он стоял на самом краю.

И когда мастер сказал... когда мастер подтвердил, пролил свет словами: «Незнание всего ближе»... когда мастер его похвалил, одобрил: «*Незнание всего ближе*»,
Хогэн внезапно достиг великого просветления.

Тотчас же, в тот самый миг он пересек границу. Тотчас же исчезла его последняя привязанность. Теперь он не может даже сказать: «Не знаю».

Глупец говорит: «Я знаю», человек разума приходит к пониманию: «Я не знаю». Но есть нечто за пределами того и другого, – когда остается только молчание. Ничего нельзя сказать, ничего нельзя произнести. Хогэн вступил в это молчание, великое просветление – внезапно, немедленно, в единый миг.

Просветление всегда внезапно, потому что это не достижение; оно уже есть. Это только воспоминание, узнавание. Вы уже просветленные, просто вы этого не осознаете. Просветление – осознание того, что уже есть.

Медитируйте на эту красивую историю. Пусть эта сутра звучит в вашем существе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.